Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУД

Ежедневная газета Всеросс. центр. совета профессиональных союзов

№ 207. Понедельник, 7 ноября 1921 г.

Редакция: Солянка, 12 „Дворец Труда". Телеф.: дневн. редакц. 4-02-75 и 3-67-50. доб. 60; ночн.: редакц. 58-62.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

— Стачечный комитет севера Франции опровергает ложь предпринимателей, заявивших о прекращении забастовки и призывает к грандиозной демонстрации.

— На-днях в Берлине начнутся германо-английские переговоры об открытии Германии кредитов.

— Конференция по вопросу об'единения социалистов всех стран соберется в Брюсселе 23—24 ноября.

— Во Франции организуется коммунистическая неделя—партия призывает весь пролетариат сойтись под красное знамя.

— Члены американской комиссии по оказанию помощи Ближнему Востоку, вернувшись из России, высказались за заключение торгового договора между Америкой и Советской Россией. Комиссия предложила организовать промышленно-финансовое общество, которое могло бы открыть России полуторамиллиардный кредит для закупки сельско-хозяйственных машин.

— Профсоюз городских рабочих Бреста заявил о своем присоединении к революционным комиссиям.

— Авантюра Карла кончилась тем, что португальское правительство по предложению союзников интернирует его на острове Мадера.

— Венгерское правительство в официальной ноте заявляет, что династия Габсбургов лишена прав на венгерский престол.

— Сейчас же после приезда русской делегации в Норвегию норвежская валюта поднялась в цене.

— На конгрессе французских радикал-националистов в Лионе подчеркнута опасность, грозящая французской республике со стороны реакционного блока. Конгресс принял резолюцию об об'единении левых партий.

НА ГРАНИ ПЯТОГО ГОДА.

Мы—на грани пятого года...

Четыре года отделяют нас от тех знаменательных дней, когда над Зимним Дворцом рвались снаряды, осыпая осколками этот последний оплот российской буржуазии. И какие годы!

—Годы незабываемых мук, тяжелой, порой почти нечеловеческой борьбы—и вместе с тем годы острой радости побед и достижений.

В самом деле—разве не мучительны были переживания рабочей массы за 1918—1921 г.? Разве не требовалось героических усилий, героического напряжения воли, чтобы преодолеть подтачивавший силы всех и каждого голод? Разве не требовалось самоотверженности и самопожертвований, чтобы устоять у станков и на фронтах в тех условиях, какие долгие годы не поддавались всем усилиям Советской власти?

Невольно вспоминаются ужасы продовольственного кризиса начальных моментов, когда неналаженный еще продовольственный аппарат РСФСР был в состоянии давать населению промышленных центров лишь микроскопические порции хлеба. Невольно приходят на память цифры детской смертности, тифозной эпидемии, косившей ослабленные голодом жизни сотнями и тысячами...

А военные невзгоды? Ведь все почти четыре года существования Советской России—это годы напряженнейшей борьбы. Мы жили и работали эти годы—в огненном кольце, Корниловы, Каледины, Богаевские, Скоропадские сменялись Деникиными, Колчаками, Врангелями, Петлюрами, Юденичами. И каждый раз попытки контрреволюции вооруженной рукой смести прочь завоевания октября требовали от Советской России необычайных усилий. Снабжаемые иностранной буржуазией, располагающие неисчерпаемыми почти ресурсами мирового капитала—силы контр-революции пользовались малейшим ослаблением бдительности малейшим понижением революционных настроений. Волны контрреволюции докатывались почти что до Тулы с юга, до Казани с востока, до предместий Красного Питера с запада Докатывались—и угрожали захлестнуть Советскую Республику... И для преодоления белогвардейщины—требовалось нечеловеческое напряжение сил, напряжение длительное, продолжавшееся до тех пор, пока, наконец мощными ударами Красной армии не был разгромлен последний оплот ее, Крым...

Но—как ни мучительны были эти годы, какого неимоверного напряжения сил ни требовала гражданская война, все страдания, все жертвы искупались неискоренимым сознанием, что пролетариат, в октябрьские дни сорвавший с себя одним могучим порывом цепи капиталистического рабства, идет тернистым путем к закреплению октябрьских завоеваний.

Рабочий класс Советской России все эти годы не только страдал, не только выносил на себе тяжесть борьбы. Он побеждал. Все четыре года были вместе с теми годами побед и достижений.

Голод был почти окончательно преодолен работой всего советского аппарата. Лишь стихийное бедствие конца 1920 года, сократившее урожай на 900 миллионов пудов, и еще более тяжкое бедствие конца 1921 г., когда житница Советской России, Поволжье и Прикамье, оказалась совершенно выжженой палящими лучами солнца, свели на нет те огромные достижения, какие мы можем зарегистрировать в области борьбы с продовольственной разрухой к концу четырехлетья пролетарской диктатуры. А тиф, а холера, а тысячи других эпидемий, мучительно впившихся в изболевшее, изголодавшееся тело Советской России? Их—уже почти нет, их мы более не боимся, ибо их рабочий класс победил.

Победами завершалось четырехлетье, и на наших военных фронтах. Генералы, руководившие белыми армиями теперь частью сидят не у дел в Константинополе, в Париже, Вене и др. городах за рубежом, частью же понесли должное наказание от руки рабочего класса. Их, порой почти победоносные, армии утучнили поля, на которых происходили кровавые стычки между белыми и красными, и жалкие остатки Деникинских, Врангелевских и Петлюровских отрядов теперь играют роль международных жандармов на службе у Лиги Наций.

Эти четыре года, повторяем, были годами неизбежных мук, но и острых радостей, тяжкой борьбы, но и великих побед. И об этом мы не должны забывать на грани пятого года, когда мы подводим итоги пережитому и пытаемся заглянуть вперед, в неизвестное будущее...

Да, эти четыре года были годами побед, ибо мы сохранили основное в завоеваниях октябрьской революции, мы сохранили диктатуру пролетариата.

Теперь, на грани пятого года, мы стоим лицом к лицу с иной совершенно обстановкой, чем та, в которой мы жили, страдали, боролись и побеждали до сих пор. Новая экономическая политика—расковывая частную инициативу, открывая буржуазии возможность участвовать в строительстве нашего хозяйства—создает и возможности разрешения основной задачи, все эти четыре года остававшейся нерешенной. Промышленная разруха, ослабившая самый фундамент рабоче-крестьянской России, только теперь встречает то сопротивление, которое позволит нам выйти из хозяйственного тупика. Только теперь впервые мы последовательно и настойчиво приступаем к экономическому строительству. Но делаем мы это в обстановке далеко не прежней. Наряду с работой государственного аппарата, делом хозяйственного строительства отныне занимается и частная инициатива. Перед нами—неизбежность усиления буржуазной стихии в самой важной области жизни, в народном хозяйстве.

Нам, другими словами, предстоит мирная война, война хозяйственная. Два начала—начало государственного капитализма, усиливающего крупное производство и через это усиление ведущее нас к коммунизму, и начало буржуазное, ведущее нас назад к частно-капиталистическим отношениям,—сталкиваются теперь в решительной схватке. И в этой войне двух исторических сил—нам предстоит пережить много осложнений, пройти через много опасностей,

Об этих то опасностях, об этих то осложнениях нам необходимо помнить на грани пятого года в такой же мере, как и о том, что мы пережили за истекшие четыре года. Для нас оплот от всех угроз со стороны буржуазной стихии—это та диктатура пролетариата, ради которой принесены все неисчислимые жертвы недавнего прошлого.

Вот почему на грани пятого года для нас наш лозунг тот же, с каким 25 октября 1917 года штурмовали оплоты буржуазии колонны петроградских рабочих.

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует Власть Советов!

К ГРЯДУЩЕМУ НАШЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Годовщина революции—день, когда принято подводить итоги пройденного, со всеми успехами и неудачами.

Вероятно, вся советская пресса будет достаточно наполнена этими итогами, цифрами и результатами достигнутого за четыре года. Я не решаюсь конкурировать в этой работе со специалистами, и если буду кой-где прибегать к цифрам и останавливаться на прошлом, то для того лишь, чтобы яснее представить себе грядущее.

С первых дней октябрьской победы, в советском строительстве стали заметны три основные черты; это во-первых борьба за органы управления, внутри которых было встречено отчаянное сопротивление старого мира; во-вторых—организация самих органов власти, приспособление, с некоторой переделкой, старых и создание новых и, в третьих, национализация, процесс которой тесно переплетается с первыми двумя.

На это строительство убито огромное количество революционной энергии, количество—небывалое и в прошлом. И главным его двигателем были не единицы, не группы руководителей, проводивших известный план, а многомиллионные массы, которые стремились скорей сломать старое, скорее делать новое, непохожее ни в коем случае на старое.

Бег революционной энергии масс был настолько силен, что лишь к концу 20 года он приобрел более умеренный темп. Если к этому времени подходила к концу эпопея национализации, то, разумеется, главным образом, по причине уменьшения соответствующего горючего материала для дальнейшего применения революционной энергии масс, к этому направленной. В основном национализация кончилась.

Полная национализация была выполнена, — выполнена коллективно, огромными массами как рабочих, так и крестьян, выполнена с революционной лихорадочностью, со стихийной стремительностью. В соответствии с этим и результаты получились до известной степени неожиданные. С точки зрения рачительного хозяина—плачевные, ибо, примерно, девять десятых имений крестьянами было уничтожено. Что касается городской национализации, то и здесь экономный хозяин не мог быть доволен.

Мы ни на минутку не упускали из виду, что бороться со стихийной национализацией—это делать плотину против весенних вод. Между тем, с точки зрения хозяйственника ее убыточность для нас была очевидна. Лишь после того, как широкие массы основательно переварились в котле национализации, можно приступить к национализации по хозяйственному принципу, а раньше, по существу, была экспроприация средств у буржуазии и кулачества в ходе бурного движения огромных революционных масс.

Этот период, как я уже сказал, окончился в конце двадцатого года, как раз к тому времени, когда стали намечаться первые штрихи новой политики. Вполне признавая необходимость и закономерность случившегося, было бы нерационально защищать методы, уже сейчас политически совершенно изжитые,—в настоящий момент мы без риску и колебаний в основу деятельности можем поставить хозяйственный расчет.

Опыт практических затруднений, которые встречает на своем пути Советская власть, в особенности при экономических достижениях, ясно показывает, сколько еще предварительных трудностей лежат перед Советами. И на их преодоление, несомненно, потребуется более или менее продолжительное время. У нас сейчас нет разногласий, что основной задачей нашей политики является экономическое развитие, поднятие хозяйственного уровня Республики. Это — задача, в которую уперлись все наши стремления.

Решение этой задачи только по одному из двух крайних путей или путем сосредоточения управления, за свой страх и риск, только в государственных органах, на средства лишь самого государства, что теоретически выдвигалось как приближение к коммунизму, или же, как это делается в буржуазных государствах, государство дает лишь косвенную поддержку, помощь в виде введения премий за изготовление тех или других предметов; падающая промышленность обеспечивается государственными заказами, наконец, вводят пошлины на ввозимые из-за границы товары, чем косвенно влияет на внутреннее производство,—само совершенно не участвуя в производстве.

Первый способ мы применяли, и результаты получились неудовлетворительные, второй мы не имеем возможности полностью применить, ибо это был бы возврат к буржуазному государству. Значит, у нас остается промежуточный способ: сохранить на началах государственного управления и производства часть промышленности, главным образом, крупной, сконцентрированной сравнительно в небольших цифровых производственных единицах, но в нормальное время составляющих солидный процент общего производства. Остальную часть передать, во первых, организациям; примерно электрическую станцию — коммунальному отделу, мастерскую по ремонту земледельческих орудий—земотделу; часть возьмет на себя кооперация, всякие об'единения и, наконец, частные лица. Положительные стороны этого типа то, что, во первых, государство разгружается от мелочи; во вторых, передачей в аренду средних предприятий, которые не могут быть государственными органами пущены в ход, мы устраняем опасность, что иначе они будут стоять, не работая; между тем, если они будут работать, хотя бы в руках арендаторов, они будут увеличивать общее количество изделий в Республике, это раз, и материальный фонд государства—два. Наконец, сможет быть упрощен аппарат управления государственными предприятиями, основательно уменьшено количество служащих, работающих на государство.

Я мог бы до бесконечности увеличивать факты, показывающие хозяйственные выгоды этого пути. Как ни неприятны коммунистическому уху столь прозаические „торгашеские" настроения, их нужно скорее и основательно переварить. Государство — не бездонный источник, из которого можно черпать, ничего туда не вкладывая. Этот источник—ограниченный. в особенности он ограничен в Советской Республике. А между тем, у нас есть еще основательное количество администраторов, которые эти столь элементарные истины при своих административных распоряжениях забывают. Новая политика их от этого должна отучить. Но она не только должна научить отдельных администраторов, она должна будет научить руководящие органы Советской власти, „что необходимо по одежке протягивать ножки".

Первые шаги к этому сделаны. Основные запасы хлеба распределены согласно государственной нужды, на год вперед. Несомненно, этого мало, надо приблизительно проделать скорее такую же работу и с денежными знаками, т.-е. ввести возможно более определенные бюджеты. А затем ввести твердое начало, что порядок финансирования и снабжения продовольствием идет по линии полезности, необходимости, ценности предприятия для государства. Примерно, в первую голову снабжаются органы Главтопа, затем железные дороги, металлисты и т. п. А то все крики: „Все на помощь Донбассу", „Все для Баку" и т. п.—останутся простыми криками. Если мы серьезно хотим подымать хозяйство, то способ этого под'ема только один: уменьшать расходы по всем статьям и направить имеющиеся ресурсы, прежде всего и главным образом, в область производства, соблюдая и здесь величайшую расчетливость.

Что делает предприниматель, начинающий новое дело, когда у него нет кредита?—уменьшает до минимума свои потребности, стремится получить максимальную выгоду из предприятия, чтобы внушить доверие к своей хозяйственной способности. Доверие у капиталистов—для кредита. Неприятная это для коммунистического уха параллель, но факт остается фактом: наше хозяйство нуждается в кредите, и, несомненно, обнаружение реальных успехов на нашем хозяйственном фронте будет основательным, пожалуй, решающим моментом к открытию нам кредита.

Должен указать, что места еще не вполне уразумели „новую политику", вернее, силу материальных средств, выразителями которых у нас сейчас являются и деньги. Места невероятно щепетильно подходит, в частности, к из'ятию денег у населения.

Товарищи забывают, что каждый рубль, вынутый из обращения, усиливает сейчас экономическую мощь государства, дает ему возможность шире развертывать коммунистическое строительство. Ни на одну минуту нельзя забыть, что приближение коммунизма в России есть усиление экономической мощи государства, а сейчас деньги, я уже выше сказал, есть один из серьезнейших элементов этой мощи.

Естественно поэтому, что разгрузка государственных органов от убыточных предприятий и использование доходных есть одна из ценнейших услуг делу коммунизма. У нас любят играть словами, а как на это смотрят рабочие. Нельзя, видите-ли, получить с трамвая: едут на нем рабочие; нельзя брать за лекарства в аптеке: там берут его рабочие; нельзя брать за квартиры: там живут рабочие... Получается оригинальное положение: польза рабочих заставляет проводить политику общей бесплатности везде и всюду. А, меж тем, в нынешних условиях новой экономической политики, новых принципов строительства огульная и сплошная бесплатность может привести Советскую власть к гибели.

Подумаешь,—совершенно нетерпимое положение. Оно еще более безвыходно и печально тем, что совместно с рабочими едут обыватели в театр, заставляя рабочего стоять около трамвая часа по два, т. е. простоять все бесплатное время, а противники Советской власти, ругая ее в это время, едет бесплатно... Возьмите, я преднамеренно обостряю вопрос, для примера лекарства, доктора: кто решится в таком священном вопросе, как здоровье человека, говорить о платности,—даже буржуазное государство в принципе здесь проводит бесплатность. Но подойдите к вопросу без фразерства: разве нельзя рабочим прибавлять к жалованью трамвайную плату? Разве, наконец, нельзя фабрике и заводу купить на каждый день в управлении трамваем талоны. Раз фабрика не может рабочего поселить близко, плати ему за трамвай, если же он по своей выгоде живет далеко, пусть платит сам, если, разумеется, его насильно не держат на этой фабрике. Вопрос так решается практически. Он не может решаться иначе, если хоть сколько нибудь думать о государственном интересе. Бесплатная аптека, кому и что она дает? Занимающему ответственный пост и старающемуся использовать его в личных интересах она дает много: духи, одеколон, зубной порошок, щетки, много еще есть вещей, которых названия я не знаю, но те, кто умеют воспользоваться бесплатностью, великолепно их знает. Скажите, кто выгадывает от этой бесплатности? Кто угодно, только не рядовой рабочий.

Я уже слышу крики: „караул, нас тянут назад к старому прошлому". Не назад, а указывают путь вперед. Прежде аптека, доктор шли из сумм местных налогов, собираемых со всего населения, более или менее обеспеченного, а пользовались ими нищета, а всякий имевший хоть какую к тому возможность, покупал сам; если же когда и пользовался этой бесплатностью, то не придавал этому никакого значения, ибо ценность ее в среднем не превышала 10-ти копеек за рецепт. Это была дань лицемерно буржуазного общества неимущим. Почему же бесплатная общественная аптека у нас была в программе? Да потому, чтоб хоть часть собираемых буржуазным государством налогов пошла в пользу облагаемого, ибо львиная доля бюджета под тем или другим соусом попадала снова в руки имущим.

Прежде было буржуазное классовое государство, а при классовом государстве бесплатностью пользуются, главным образом, обездоленные. Совершенно не то у нас. У нас должно быть выброшено слово „бесплатность", ибо наша плата есть лишь особый способ распределения необходимых предметов; платностью мы стремимся внести действительную уравнительность в пользовании благами Республики, во первых, и заставить людей быть в расходовании их более экономными, во вторых.

В заключение статьи я скажу: хозяйственный расчет должен в предстоящем году служить основным принципом в нашем строительстве, в нашем движении вперед... Тов. Ленин в своей речи на с'езде Главполитпросвета намечал характер таких подступов к грядущему. Оно не величественно, не захватывает дух пылких сердец. От могучего политического и социального движения масс история подводит нас к решению вопросов о том, каким образом систематически, по частям и деталям собирать и совершенствовать хозяйство. Перед нами кропотливая, „прозаическая" задача... Но, если кто добросовестно продумает основную задачу ближайшего грядущего для 5-го года Великой Русской Революции, он поймет, что таков путь действительного укрепления Советской власти. А все, что укрепляет Советскую власть, в конечном результате красиво, захватывающе и величественно.

М. КАЛИНИН.

Памятник Труда.

Подземный рокот цементных артерий,
Тяжелый взлет двадцатых этажей,
Как вымыслы причудливых поверий
Цветенье электрических огней.
Безгласный хор гранитных изваяний,
Застывший гимн тревоги и труда,
Каких веков здесь пресекались грани,
Кем создан, сотворен когда?

Кто скажет „здесь мое" и дерзостно отторгнет
От общей музыки своих усилий звук,
Здесь тысячи творцов в проклятьях и восторге
Сплели живую связь из чудотворных рук.

Прислушайся, и ты услышишь внятно,
Как дышат площади и говорит гранит,
На ржавых кирпичах увидишь крови пятна.
Горячий пот на плитах заблестит.

О памятник труда, ты величав и вечен
О глыбы тяжкие, о плиты площадей,
Ваш каждый камень огненно отмечен,
Безсмертным подвигом неведомых людей.

В. КИРИЛЛОВ.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ.

Один из первых президентов Соединенных Штатов Джонсон высказал такой часто повторяемый афоризм: «Или мы поднимем всеобщее образование народа, или никакой демократии у нас не будет».

Если так мог мыслить и эту уверенность высказывать просто искренний представитель демократии, то кольми паче должны мы повторять эту фразу. В конце-концов здоровая демократия, конечно, немыслима в стране, где большинство темно и неграмотно, но еще в тысячу раз менее мыслимо построить в такой стране коммунизм, в сущности единственную форму общественного строя, по истине заслуживающую названия демократии—Советской власти.

С какой бы стороны мы не подошли к задачам октября, мы ближе натолкнемся на вопросы просвещения.

Основной базой нашего дальнейшего строительства является пролетариат. Но даже передовой пролетариат нуждается в дальнейшем политическом и общенаучном просвещении. А ведь за ним идут слои все более темного пролетариата, вплоть до совсем отсталого, неграмотного и мало отличающегося от крестьянства. Работа полит-просвета, как в смысле коммунистической пропаганды, так и в смысле общего поднятия уровня сознательности в пролетариате, бросается в глаза.

Ближайшей поддержкой пролетариата, его главнейшим орудием в деле обороны и наступления, является Красная армия, на девять десятых крестьянская. Политпросветительная работа в вышеуказанном смысле должна неуклонно вестись в рядах Красной армии. Найти опору в крестьянских массах, раскрыв перед ними социальные перспективы, научив их правильному пониманию их истинных интересов, поборов в деревне черное суеверие, являющееся опорой в контр-революционной работе наших врагов,—все это опять-таки существеннейшие задачи, без которых разрешение общего задания революции—немыслимо.

А ведь к тому же надо еще воспитательно переработать и втянуть к нам интеллигенцию и городскую бедноту. Политическое просвещение всех этих разнородных масс есть, конечно, работа в первую очередь Наркомпроса. Но далеко не ею только ограничивается эта работа, так как в его руки передала революция также все техническое образование, начиная с курсов под'ема квалификации труда рабочих масс и крестьянства и кончая высшими учебными заведениями.

Наконец, самая прямая задача Наркомпроса есть воспитание подрастающего поколения начиная с трехлетнего возраста.

То достояние просветительного характера, которое оставалось нам от царской России, было до крайности недостаточно. Мы, можно сказать, целиком создали дошкольное дело в России, причем при самом крайнем напряжении наших сил мы не добились еще удовлетворения и 10% всей нужды маленьких детей в детских домах, садах, очагах и т. п. Наша школьная сеть в первые годы после революции серьезно увеличившаяся, (до 7 тысяч школ в год), в настоящее время может принять только 60% всех детей возраста первой ступени, т.-е. до 12 лет. И эта несомненно невыгодная пропорция становится ужасающей, когда мы поднимемся в школу второй ступени, в которую фактически превращены старшие классы бывших средних учебных заведений, являвшихся школой привилегированных. Здесь мы можем принять опять таки только менее 1% всех детей этого возраста. В ужасающем положении находятся некоторые отрасли по подготовке специалистов. Ничтожна сеть низших технических учебных заведений (если не считать закрытых нами ремесленных школ—этих маленьких детских каторг). Еще более ужасающе ничтожна сеть низших учебных заведений сельскохозяйственных, которые надо будет превратить всю элементарную сельскую школу.

Пропасть разверзается между количеством квалифицированных специалистов, которых мы можем дать в области педагогики и сельского хозяйства, и соответственными потребностями страны. Неудовлетворительно положение и относительно государственных и общественных работников и врачей, и только в отношении техников дело обстоит немножко лучше.

Колоссальные задачи растут отовсюду. Надо не только расширить эту сеть, но одновременно делать ее более практической и пронизывать ее социалистическим духом. Надо обеспечить учащих и учащихся, от чего мы еще крайне далеки при разорении страны. Надо пролетаризировать состав учащихся высших классов единой школы, техникум (которые дают специальное образование подросткам от 15 до 19 лет) и высших учебных заведений. Для последних создана огромная сеть рабфаков, насчитывающая более 30 тысяч студентов пролетариев.

Вся эта школьная сеть, и теперь огромная (до 70 тысяч людей обслуживают ее) и предназначенная к дальнейшему росту, бесплатна, и сделать ее платной мы ни в коем случае не согласимся. Эту бесплатную школу государство попыталось содержать за счет рессурсов центра, т. е. фактически за счет средств, которые дает отпуск бумажных денег, и за счет разверстки, а ныне продналога.

Нынешний октябрьский праздник застает Россию на определенном повороте. Эпоха военного коммунизма миновала. Коммунистическая партия сосредоточивает все свое внимание на крупной промышленности и освобождает для частной инициативы мелкую и среднюю промышленность, воссоздавая торговлю и т. п. Это во-первых создает возможность обложения страны и делает необходимой налоговую систему. Бесплатная школа не есть школа, каким-то чудом содержащаяся за счет центра. Это есть школа бесплатная для отдельных учеников и родителей, но оплачиваемая народом. Временно мы выдвинули определенный план, одобренный Советом Народных Комиссаров и превратившийся в закон, местного целевого школьного обложения в несколько разной форме для деревни и для города. Только это даст возможность школе выздороветь от того крайнего худосочия, на которое она была осуждена при грандиозности задач и ограниченности рессурсов.

Вместе с тем, столь важное дело просвещения ждет в этом году, хотя и омраченном черной тучей голода, но первом году органической работы без военной помехи, большего к себе внимания. Циркуляры центрального комитета партии о более внимательном отношении со стороны правительства и местных органов к коммунистическому персоналу народного просвещения и о заботливом отношении к нашему профсоюзу являются первыми ласточками ожидаемого нами значительного поворота в партийных настроениях, в результате которых не только главполитпросвет, но и весь Наркомпрос будут пользоваться большим вниманием и правящей партии и Советской власти.

Октябрьская революция развернула перед Россией гигантские задачи в области просвещения, но она не могла, конечно, дать средств к исполнению этих задач, ибо захлебывалась в проливаемой недругами крови и в болоте разрухи. Однако, всякий коммунист и искренний гражданин Советской России понимает, что с прекращением военной грозы и с первыми проблесками улучшения экономического положения, дело просвещения начнет расти гигантски. Пусть октябрьский юбилей будет весною для этой, столь важной и до сих пор еще недостаточно развернутой, партийной работы.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Четыре года.

Как мало прожито,
Как много пережито...

Четыре года тому назад русский пролетариат посягнул на самые основы многовекового капиталистического общества. Впервые после Великой Французской Революции, когда был провозглашен лозунг: „собственность священна и неприкосновенна" произошла революция, которая выдвинула новый лозунг: „собственность не священна и при основанна". В этом вся суть Великой Октябрьской Революции. Она подняла новый класс на место старого; она смела помещичье землевладение; она отбросила финансово-промышленную буржуазию и на место собственников поставила у власти неимущих и их организации.

В чем всемирное историческое значение Октябрьской Революции? В чем ее сила? Почему вот уже 4 года она освещает ярким пламенем самые темные закоулки капиталистической и колониальной Европы? — В том, что она бросила в мир не новое слово, а новое дело, новый факт, что она социализм из области теоретических высот поставила на практическую землю.

Как на экране, проходят перед нами эти годы борьбы. Контр-революция внутри... Корнилов, Каледин, Богаевский, Колчак, Деникин, Дутов, Семенов, Врангель, чехо-словаки и т. д., и т. д... Месяц за месяцем, год за годом длилась эта неслыханная борьба всего старого, цепляющегося за свои преимущества мира против нового класса-гиганта. В этой борьбе пали смертью храбрых сотни тысяч лучших пролетариев. Колонна за колонной, отряд за отрядом шли они на все фронты, отбивая нападения внутренней и внешней контр-революции. Российская контр-революция питалась империалистической Европой и Америкой. Там были основаны двигатели российской контр-революции; оттуда черпала она материальные рессурсы. Германия, Австрия, Румыния, Польша, Франция, Англия, Америка поочередно и группами вели борьбу против „Советского чудовища". Стальным кольцом блокады была охвачена грудь великой страны. Каналы обращения были закупорены. Русский пролетариат был отрезан в течение годов от всех стран. Строгий карантин организовал капиталистический мир, чтобы избавить своих пролетариев от российской заразы.

Господствующие классы всех стран об'явили нам священную войну. Они хотели задушить революцию в России, поставить на ее место царских генералов, чтобы, опираясь на штыки российской реакции, расправиться со своими собственными, восстающими пролетариями. Но всем вместе им не удалось справиться с освободившейся страной. Ни блокада, ни непосредственное военное вмешательство, ни внутренняя контр-революция не могли сломить великого революционного порыва, который охватил широкие трудящиеся массы. Ломая все преграды, все установленные веками традиции, шла революция в своем поступательном движении. Она освободила угнетенные народы и сделала их равноправными гражданами Единой Трудовой Республики. Она освободила женщину от унизительной роли гражданина 2-го разряда. Октябрьская Революция могла это сделать, потому что она освободила рабочий класс от капиталистической эксплоатации. Здесь на практике была доказана справедливость нашей теории, что национальное угнетение и порабощение женщины тесно связаны с классовым строением общества.

Октябрьская революция открыла перед трудящимися всех стран новые горизонты. Социализм перестал быть мечтой будущих поколений, — он встал во всей своей сложности, как практическая задача дня. Революция не терпит половинчатости и полумер, особенно революция плебейская. Ее последовательность, ее беспощадность встряхнули трудящихся всех стран, заставили оглянуться, поставить перед собой великую проблему социализма. И рабочий отдаленной Мексики, китайский кули, японский рикша и грузчики Марселя, Ливерпуля и Гамбурга, с великим удивлением и симпатией взирают на эту грозную, на социально-родную Российскую революцию. Они классовым инстинктом, внутренним чутьем тянутся к ней. Они тянутся к ней, несмотря на переживаемые ею трудности, не смотря на великие мучения, на голод, на нищету, царящие в ней; Они видят в ней начало своих сознательных и часто подсознательных мечтаний. Они знают, что есть страна, где эксплоататоры не является господствующим, где буржуазия не стоит у власти, где фабрики, заводы и земли являются достоянием трудящихся.

Пусть вся желтая и так называемая социалистическая пресса с пеной у рта набрасываются на Советскую Россию. Пусть покрывают они грязью русский пролетариат и его великие страдания. Пусть хохотом и издевательством встречает вся буржуазия мира и так называемые социалисты ошибки и поражения русских пролетариев... Пусть... Угнетенный и обездоленный рабочий тянется к Советской России, ибо он чувствует, что там совершается великое пролетарское дело, там делается его дело.

4 года... Они вошли огненными буквами в книгу мирового рабочего движения. Труден и мучителен путь. Он труден потому, что русский пролетариат до сих пор изолирован. Он держится 4 года на передовом посту, и смена не приходит до настоящего времени. Отряд за отрядом выбывают из строя; выбывшие пополняются все из той же Российской пролетарской армии.

Чем же держится Советская Россия столько лет против международной и российской контр-революции? Она держится тем, что советы, профессиональные союзы и коммунистическая партия представляют собой единый стальной блок; что все рабочие организации проникнуты духом коммунизма, что единая коммунистическая воля пронизывает снизу до верху все звенья профессиональных союзов, тем, что диктатура непосредственно опирается на профессиональные союзы, охватывающие миллионы пролетариев. Власть пролетариата держится на его организациях. Только этим единством воли и действия об'ясняется существование Советской России.

Что сделала октябрьская революция? — Она уничтожила до основания старый феодально-помещичий мир и проложила путь к новому; она показала, что буржуазия может быть разбита; она поставила у власти, класс, никогда еще в истории человечества не стоявший у власти; она выступила против всего буржуазного мира и не только словом, но и делом доказала право на существование. Нет в мире ни одной организации, будь она буржуазная или рабочая, которая бы не занимала враждебной или дружеской позиции по отношению к Советской России. Октябрьскую революцию можно любить или ненавидеть, но нельзя быть к ней равнодушным. За и против Советской России является линией водораздела. По этой линии идет борьба между реформизмом и революционным социализмом. За Советскую Россию, это значит — за низвержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата. Против Советской России — это за соглашение с буржуазией и за укрепление ее власти.

Много, очень много осталось недоделанным, ко многому мы только приступили. Необ'ятные трудности перед нами, ибо мы пионеры, и нам приходится прокладывать новые пути в отсталой стране. Крупная промышленность — этот базис социализма — с трудом восстанавливается. Медленный темп развития революции на западе заставляет русский пролетариат остановиться в своем поступательном шествии, делать уступки мелко-буржуазным тенденциям крестьянства, давать концессии, одним словом, вести политику уступок по отношению к падающему, но все еще могучему буржуазному миру.

Оглядываясь назад, бегло просматривая эту короткую во времени, но длинную в борьбе и страданиях историю 4-х лет, мы можем с гордостью заявить нашим врагам: „Вы можете лаять на русскую революцию и обливать грязью русский пролетариат, но вам никогда не удастся вырвать из истории человечества те страницы, которые вписали в нее своей кровью русские рабочие. Вам не удастся из истории международного социализма удалить то, что сделано Октябрьской Революцией, ибо само существование Советской России есть социалистический факт". И на вопрос наших врагов, что сделала Советская Россия за четыре года, она может с большим правом, чем в прошлые годовщины, с гордостью ответить: „Я существовала четыре года".

ЛОЗОВСКИЙ.

На страже революции.

Февральская революция развязала железные путы, в которые царское правительство заковало волю рабочих к организованной борьбе с капиталом. Широким потоком разлилась по всей России волна строительства профессиональных союзов — этих органов классовой борьбы пролетариата. Уже к июлю 1917 года все сохранившиеся росточки нелегальных союзов распустились пышным цветом, охватив около полутора миллионов пролетариев.

Этой только что сколоченной армии труда, без традиций и навыков в прошлом, не дисциплинированной в огне жаркой борьбы, пришлось на первых же порах своего сформирования стать лицом к лицу с относительно мощными, хорошо сорганизованными об'единениями предпринимателей.

Условия борьбы были крайне невыгодны для рабочего класса. Вызванная войной общая разруха в стране, развал промышленности, нависшая угроза локаутов и закрытия предприятий в ответ на минимальнейшие экономические требования рабочих, — все это усложняло борьбу, делало ее почти немыслимой для организованного в союзы пролетариата.

Но эти же условия и кратковременный опыт борьбы убедили профсоюзы в том, что разрешение экономической проблемы рабочего класса, победа труда в его великой тяжбе с капиталом немыслимы и невозможны вне захвата политической власти, вне разгрома буржуазии. Под лозунгом немедленного введения рабочего контроля над капиталистическим производством пошла дальнейшая организация и перестройка рабочих рядов. Под лозунгом перехода всей государственной власти в руки советов рабочих и крестьянских депутатов шло накопление сил и подготовка к ожесточенному бою.

Наступили октябрьские дни... И если великая пролетарская революция прошла так быстро и успешно, благодаря поддержке ее широкими слоями крестьянства, то основной опорой партии революционного переворота, партии коммунистов-большевиков, явились спаянные в борьбе профессиональные союзы. На своем хребте вынесли они всю грандиозную борьбу с капиталом и привели пролетариат к торжеству и победе.

С этого момента, вслед за столичными об'единениями рабочего класса, и все остальные индустриальные центры постепенно сковывают целиком и полностью свою судьбу с судьбой рабочей власти, с руководимыми коммунистической партией советами рабочих депутатов.

И первый с'езд профессиональных союзов, состоявшийся спустя два месяца после октябрьских дней, четко и ясно формулирует задачи профсоюзов в рабочем государстве и отношение их к рабочей власти.

„Не может быть, говорится в соответствующей резолюции с'езда, нейтрально профессиональное движение в России, в стране, переживающей великую революцию и свергающей иго буржуазии. Все вопросы, встающие в процессе революции перед пролетариатом... самым непосредственным образом затрагивают также интересы профессионального движения. Во всех этих вопросах профессиональные союзы должны целиком поддержать политику социалистической советской власти, проводимой Советом Народных Комиссаров".

Безоговорочная поддержка Советской власти, защита кровью добытой свободы — вот что начинает наполнять содержание работы профсоюзов.

И действительно, вся история дальнейшей деятельности профессиональных организаций за истекшие четыре года наглядно подтверждает, что профсоюзы все время зорко стояли на своем посту и проявили непоколебимую энергию в деле непосредственной защиты Советской власти от покушений мирового империализма и внутренней контр-революции.

Фактически вся союзная работа за 4 года была направлена на укрепление диктатуры пролетариата. Почти поголовное об'единение и организация в своих рядах рабочего класса России, развитие и усиление его революционно-классового сознания, вся работа по правильной организации труда и производства, по поднятию экономического благосостояния разрушенной за годы войны страны, — вся эта кропотливая незаметная повседневная работа целиком и полностью может быть рассматриваема, как работа, направленная исключительно к упрочению Советской власти.

Но помимо этого профсоюзы сумели в острые моменты угрожавшие существованию и развертыванию революции, в моменты, требовавшие кровавых жертв, быстро перестраивать свои ряды, свертывать в незаметный узелок обыденную работу свою и лучшие свои силы направлять в самые опасные для революции пункты.

Еще при первом наступлении приверженцев Керенского на Петроград, сейчас же после октябрьских дней, заводские гудки красной столицы собрали защитников пролетарской революции, вывели их на бой с цеплявшейся за власть буржуазией и ее приспешниками. Исход этой битвы парализовал на время российскую контр-революцию, которая воскресла потом на юге, напившись „живой воды" у источников Дона.

При наступлении немцев на Петроград в 18 году союзы, особенно в крупных промышленных центрах, снова формируют боевые дружины, санитарные отряды.

Вынужденный Брестский мир, достигнутая передышка только усиливают внимание профессиональных союзов к непосредственным задачам обороны страны. В резолюции по этому вопросу IV Всероссийская конференция профсоюзов говорит:

„Сознавая всю тяжесть заключенного мира и угрозу завоеваниям пролетариата, вытекающую из условий этого позорного мира, признавая всю непрочность настоящего положения, конференция со своей стороны считает необходимым использовать настоящее перемирие в целях укрепления позиций пролетариата и призывает все профессиональные союзы к самой энергичной работе по всесозданию боевых сил страны и их снабжению".

Резолюция не остается пустым звуком. Профсоюзы вскоре за этим принимают активное участие в организации регулярной пролетарской Красной Армии. Побуждаемые верховным органом российского профдвижения — ВЦСПС, местные союзы берутся за защиту революции от чехо-словацкой авантюры, за борьбу с поволжской и уральской контр-революцией.

Трудно установить в настоящий момент, в каких размерах и насколько активно откликнулись союзы на призыв Советской власти о защите Поволжья. Выделение бойцов на фронт производилось наспех. Отсутствие соответствующих учетных аппаратов, неопытность в новом деле, необходимость спешно направить силы для борьбы с недремлющим врагом, — все это не давало в боевой момент заниматься статистикой и подсчетами. Одно несомненно: значение организованного пролетарского элемента, влитого в ряды только что сформированной тогда Красной Армии, было колоссально. Члены профсоюзов составляли тот цемент, который спаял армию, внес в нее элементы пролетарского революционного энтузиазма и дисциплинированности.

Начало 1919 года ставит Советскую Республику перед еще большей угрозой развернувшегося колчаковского наступления на Волгу. В начале апреля ВЦСПС признает необходимым оказать „без всякого промедления самую энергичную помощь в проведении мобилизации, декретированной Советом Народных Комиссаров 10 апреля". При всех союзах, низших ячейках в предприятиях создаются специальные комитеты содействия мобилизации. В прифронтовые места, особенно в Поволжье, кидается клич о поголовном вооружении всех членов союзов. Пример таких городов, как Покровск, где профсоюзы сами постановили мобилизовать 50% своего состава, ставится образцом для остальных прифронтовых об'единений.

Но уже 30 апреля ВЦСПС находит принятые меры недостаточными. Выносится постановление о проведении во всероссийском масштабе мобилизации 10% всех членов союзов.

Трудно установить, насколько указанная директива центра получила полное практическое осуществление на местах. Отправка добровольных отрядов с мест комплектования и прибытие их в армию зачастую не регистрировались местными организациями и совершенно не суммировались в центре. Но если судить по ряду отрывочных отчетных данных, следует заключить, что принятое ВЦСПС постановление не повисло в воздухе. Только в тех местах, где руководство профоб'единениями находилось еще в руках меньшевиков и эсеров, разжигавших шкурнические инстинкты масс, добровольная мобилизация не удавалась.

Отчасти по этим причинам, а главным образом в силу необходимости в больших боевых кадрах для обороны страны, Совет Народных Комиссаров с полного согласия профсоюзов об'явил в июне 1919 года мобилизацию рабочих и служащих торговли, промышленности и транспорта в возрасте от 18 до 40 лет. Эта мобилизация, проведение которой взяли союзные органы, дала осязательные результаты. Всего, помимо железнодорожников, явилось на сборные пункты 79.368 человек, из которых принято было в Красную Армию и продармию 39.514 чел. Наряд и в данном случае не был выполнен полностью, но значение проделанной союзами работы все же колоссально.

И в дальнейшем союзы не выходят из работы по обслуживанию военных нужд страны. На усилившееся наступление Деникина на юге центральные профорганизации ответили мобилизацией 70 ответственных работников, местные же об'единения выделили тысячи людей, которые на ответственных постах выполняли свой долг перед рабочей властью в России.

Конец 19 и весь 20-ый год опять-таки отрывают союзы от повседневной работы, ставя пред ними по-прежнему задачи обороны страны. Мобилизация для борьбы с Юденичем, мобилизация ответственных работников в первый период наступления Польши, мобилизация членов производственных союзов на командные курсы, мобилизация профработников в связи с ухудшением положения на польском фронте. Последняя мобилизация была выполнена союзами блестяще в размере 183%, т. е. вместо 5 тысяч было мобилизована 9150 человек.

Результаты этой работы профсоюзов налицо. Вопреки противодействию эсеров и вопреки разлагающей деятельности меньшевиков, на словах высказывавшихся за мобилизацию, на стремившихся внести деморализацию в пролетарские ряды, рабочий класс России пошел с коммунистической партией, с революционными профсоюзами и привел нас к победе не только над внутренней контр-революцией, но и над мировым империализмом, явно и тайно боровшимся с Советской Россией в течение свыше 3-х лет.

И на других ответственных участках борьбы и строительства союзы выполняли грандиозную работу. Все мы знаем, что успехи в борьбе нашей армии находились в полной зависимости от того, насколько выполнялась нами задача по ее снабжению. Эта причина, а также необходимость обеспечения заводов работавших на оборону, необходимость хотя бы в минимальных размерах удовлетворять продовольственные нужды промышленных центров, выдвигая продовольственную проблему на первое место. И здесь, в этой области, профсоюзы не остались посторонними наблюдателями. Наряду с мобилизацией бойцов на фронт, они организовали военно-продовольственное бюро, которое за год с лишним (с сентября 1918 г. до января 1920 г.) сформировало продотряды с общим количеством 30534 человека и железнодорожную и рабочую инспекцию в количестве 1367 чел. Только благодаря энергичной деятельности продотрядов Наркомпрод смог развернуть свою работу и довести оборзерна до тех размеров, которые в общем и целом обеспечили боеспособность армии и отчасти работоспособность необходимых для страны предприятий.

И в текущем году, в связи с необходимостью спешной реализации сбора продналога, а также в связи с обострением нашего продовольственного положения, вызванного голодом в ряде губерний России, профсоюзы выделили на продовольственный фронт около 3.500 ответственных работников и до 20 тысяч членов в продовольственные пружины. Первые успехи их работы уже имеются в виде собранного продналога, превышающего к настоящему моменту то количество зерна, которое в прошлом году за такой же промежуток времени был собран по разверстке.

В настоящее время Советская республика уже вступила более или менее твердой ногой на путь мирного строительства. Угроза военных фронтов временно отодвинута. Перед рабочим классом стоят грандиозные задачи экономического восстановления России. Труден и извилист путь к коммунизму. Но в новой более сложной обстановке профсоюзы проявят еще большую энергию и вместе с коммунистической партией, под ее руководством приведут нас к победе.

Я. ФИН.

Красный праздник Октябрск. годовщины сплотит нас в общем порыве неустанно бороться за осуществление идеи всемирного Октября.

Четыре года тарифной работы.

I. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.

Охватить полностью весь ход тарифной работы за время революции в рамках газетной статьи — непосильная задача. Мы отметим лишь основные моменты развития тарифа в их исторической перспективе, и отметим, притом, в крайне сжатом виде.

В качестве введения, осветим вкратце положение дел в области регулирования условий труда и нормирования заработной платы до революции.

Уже в начале текущего столетия печатники заключают в разных городах России коллективные договоры с предпринимателями, являющиеся первыми тарифными документами. Договоры эти, являясь плохой копией с западно-европейских, пытаются регулировать лишь некоторые условия труда и размер заработной платы; в них много неопределенности, много места для произвола. Главная же масса распыленного пролетариата работает на условиях личного найма. Отсутствие профессиональных организаций делает невозможной даже и самую борьбу за массовое регулирование тарифа.

После революции 1905 г., коллективные договоры становятся все более и более частыми. Однако, в виду полицейского нажима и массовых локаутов, договоры эти по существу, диктуются предпринимателями. Попутно с тем, промышленники вводят систему черных списков (чем, фактически, регулируют политические условия найма) и издают так наз. предпринимательские тарифы. Профессиональные организации, подвергаясь постоянному разгрому, не в состоянии вести планомерную борьбу с владельцами, об'единения которых быстро растут; в результате — условия труда и нормы заработной платы фактически устанавливаются капиталистами. Государство регулирует труд и его оплату исключительно на своих предприятиях, весьма немногочисленных и неважно оборудованных; одновременно, оно проявляет принцип „невмешательства" во взаимоотношения рабочих и предпринимателей.

II. ФЕВРАЛЬ—ОКТЯБРЬ.

Февральская революция ставит тарифные вопросы во всю ширь. Уже в первые ее дни питерские рабочие, обсуждая по фабрикам и заводам вопрос о возможности возобновления работ, вводят явочным порядком 8-ми час. раб. день. Решение питерцев прокатывается по России. Одновременно, пролетариат добивается значительного единовременного повышения уровня заработной платы, отмены „потогонных" систем (система „русского Тейлора" — инж. Воскресенского), что не везде удается, впрочем. Стачечная волна захватывает почти всю страну. Промышленники, дезорганизованные и напуганные революцией, уступают рабочим. Профсоюзы крайне слабы; они переживают полосу самоорганизации и потому не могут еще руководить тарифным движением. Регулирование тарифных вопросов свершается исключительно низами.

В течение весны и лета 1917 г. борьба за высокую заработную плату разгорается. Беспрерывно растущая дороговизна и частичная демобилизация предприятий, предпринятая наиболее дальновидными промышленниками, побуждают рабочих к усилению этой борьбы. По существу, последняя еще не носит характера тарифной работы в полном смысле этого слова, но элементы таковой в ней уже имеются.

Возрастающая безработица усугубляет тяжесть положения пролетариата, который тщетно ищет выхода в повышении денежной заработной платы. Предприниматели идут на уступки уже значительно менее охотно, чем раньше. Условия труда и нормы оплаты регулируются двусторонними обязательствами, — договорами.

III. ДО I-ГО С'ЕЗДА ПРОФСОЮЗОВ.

Октябрьская революция дает возможность развернуть во всю ширь тарифную проблему в ее государственной постановке. Заработная плата стихийно повышается. Комиссары труда, являющиеся представителями местных советов, понуждают предпринимателей идти на крайние уступки; рабочий класс идет по пути государственного принуждения. Окрепшие союзы развертывают работу по созданию коллективных договоров, которые, однако, не являются „договорами" в тесном смысле этого слова: предприниматели вынуждены подписывать их под давлением органов власти. Штучные системы заработной платы отменены повсеместно, безраздельно господствует простая повременная оплата. Дороговизна возрастает, обгоняя рост заработной платы. Тем не менее, пролетариат, не имея еще экономического опыта регулирования заработка, идет по пути непрерывного повышения последнего.

Профсоюзы, закончив первый период своего организационного строительства, уделяют вопросам планомерного регулирования условий труда и заработной платы все большее и большее внимание. В центре, однако, стоят второстепенные тарифные вопросы: порядок найма, обязательность предоставления работы безработным, демобилизованным из армии, запрещение увольнений без санкции рабочего коллектива, условия отпусков. Нормирования труда в тесном смысле слова абсолютно не существует.

Тарифных сборников также еще нет: Лишь типовые коллективные договоры, выработанные в центре, представляют собой „тарифную литературу".

В области заработной платы главенствует принцип уравнительности. Вознаграждение высшего персонала предприятий не нормируется совершенно, т. к. этот слой работников не входит в профсоюзы.

Тарифные органы еще совершенно не оформились, в связи с чем не оформились еще и не осознаны полностью тарифные задачи профсоюзов. Значительная доля внимания (едва ли не наибольшая) уделяется вопросу о борьбе с безработицей.

С развитием национализации предприятий рабочий класс переходит к регулированию тарифных вопросов через профсоюзы. Последние подают разработанные ими тарифные положения на утверждение местных комиссаров труда. Благодаря тому, что последние почти автоматически подписывают союзные положения, этот период может быть назван периодом чисто союзного руководства в области нормирования труда и заработной платы.

Тарифные положения этого времени регулируют исключительно права рабочих: размер оплаты, длительность рабочего времени и пр. Обязанности производителей (нормы производительности и пр.) не нормируются. По существу, тарифные положения являются скелком с коллективных договоров с той особенностью, что всякие обязательства, содержащиеся в последних, отметаются.

1-й всерос. с'езд (январь 1918 г.) узаконяет односторонний состав бирж труда и из всех тарифных вопросов рассматривает только один, не имеющий прямого „тарифного" значения: о безработице. Характерно, что специально „тарифный вопрос" („Нормирование заработной платы и труда") обсуждался во всероссийском масштабе лишь год спустя, на 2-м с'езде.

IV. КО 2-МУ С'ЕЗДУ.

После 1-го с'езда начинается укрепление тарифной работы.

Имея уже некоторый опыт, профсоюзы переходят к планомерному регулированию условий труда и заработной платы.

Поскольку предприниматели еще не окончательно оттеснены от производства, и частная промышленность еще существует, союзы продолжают заключать коллективные договоры с капиталистами. Последние, естественно, требуют известных гарантий производительности труда рабочих: питерский союз металлистов подписывает крупный договор, впервые провозглашающий, что за твердую заработную плату, обеспеченную предпринимателем, рабочий должен дать твердую норму выработки.

В национализированной промышленности тарифные вопросы регулируются исключительно местными „положениями", вырабатываемыми профсоюзами и утверждаемыми комиссарами труда. Положения эти получили наименование „локальных тарифов".

Дороговизна жизни продолжает расти; значительно медленнее, но непрерывно возрастает и заработная плата. Главенствует принцип уравнительности. Беспрерывное обесценение денег порождает мнение о возможности натурализации заработной платы. Проблема натурализации, об'ективно говоря, была выдвинута всем ходом октябрьской революции: отмирание денег и связанный с этим переход к натуральному обмену были основными теоретическими моментами, родившими стремление к немедленному осуществлению принципа натурализации оплаты труда. За недостатком ресурсов осуществить натурализацию оказалось, однако, невозможным.

Укрепление пайкового довольствия и установление принципа бесплатности государственных и муниципальных услуг довершали „уравнительность", одновременно способствуя все большему и большему заострению проблемы натуральной оплаты труда.

Тарифные органы на предприятиях оформляются к этому времени целиком: расценочные комиссии становятся ответвлениями союзных тарифных отделов, составляются они путем избрания. Благодаря выборному способу строения расценкомов, последние не проявляют всей полноты государственного взгляда на ход производства: интересы „своих" рабочих сплошь и рядом преобладают над интересами всего рабочего класса в целом. Такое положение дел приводит к жестокому производственному кризису: продуктивность труда падает, предприятия становятся убыточными, себестоимость продуктов производства возрастает. Одновременно уменьшается число занятых в производстве обученных рабочих, так как квалифицированная сила отливает в деревню.

Государство считает создающееся положение ненормальным; усиливаются тенденции государственного регулирования заработной платы. Союзы же, не склонные выпускать из своих рук тарифного руководства, еще на 4-й всеросс. конференции (март 1918 г.) принимают (по докладу т. Томского) ряд решений, направленных к размежеванию функций Наркомтруда и профессиональных организаций. Государ-

4 года организационного строительства профсоюзов.

Октябрьская революция застает русское профдвижение накануне своего первого всероссийского с'езда союзов.

Что представляли из себя в данный момент русские профессиональные союзы? Являлись ли они уже мощной, централизованной организацией, связанной прочными связями, единством воли и действия от низу до самого верху? Имелся ли твердый возглавляющий центр, фактически руководящий всем профдвижением России? Имелась ли единая схема построения всех профсоюзов?

На эти вопросы может быть дан только один ответ: Нет! В этот период мы видим самое разнообразное построение союзов: начиная с союзов и союзиков, построенных по узко цеховому и профессиональному признаку, есть уже союзы, встающие, хотя еще ощупью, на путь построения по производственному признаку.

Центральный совет профсоюзов России уже существует, но он профдвижением не руководит, в его задачи входит пока лишь „оказание всемерного содействия развитию профсоюзов".

На местах—в губерниях, в некоторых областях и уездах, существуют свои „центральные бюро" профсоюзов, но их централизующая роль еще слабо проявлена. Одно за другим возникают всероссийские об'единения профессиональных союзов, но все это идет отдельными путями, все они имеют различную структуру, каждая организация является обладательницей своей собственной кассы.

Октябрьская революция, сбросившая капиталистов в России и провозгласившая диктатуру пролетариата, ставит перед русским профдвижением задачу не борьбы с отдельными капиталистами и их об'единениями, а общую задачу борьбы с капиталистами, как с целым классом, задачу совместной борьбы с централизованным авангардом рабочего класса—российской коммунистической партией за свержение капитала и установление власти советов. Эта задача могла быть разрешена не отдельными отрядами профессионального движения, а всеми профсоюзами, как единой цельной организацией.

Под знаком стремления к сплочению профдвижения, к его централизации, 6 января 1918 года и созывается первый всероссийский с'езд профессиональных союзов, который кладет начало централизованному и единообразному построению профессиональных союзов России, установив существование губернских и областных советов союзов, как переходных к всероссийскому их об'единению.

Но и первый с'езд профсоюзов не наделил тот орган, который он избрал—ВЦСПС, полномочиями руководить всем движением, а оставил ему функции „содействия" созданию местных, областных и всероссийских об'единений профессиональных союзов.

Одним из самых важных шагов, сделанных первым с'ездом, следует признать превращение организации фабрично-заводских комитетов, имевшей свой центральный орган—центральный совет фабзавкомов, в союзную, в связи с чем фабзавкомы превратились в низшую союзную ячейку, а все вышестоящие руководящие фабзавкомами органы были поглощены соответствующими межсоюзными органами.

После первого всероссийского с'езда происходит один за другим целый ряд с'ездов отдельных профессиональных союзов, на которых избираются центральные комитеты, являющиеся уже не органами содействия, а руководящими и направляющими работу своих профессиональных об'единений.

Одновременно с созданием центров отдельных профессиональных союзов начался процесс вливания отдельных цеховых союзов в профессиональные, и профессиональных—в производственные союзы. Но этот процесс проходил без веского общего плана, шел стихийно. Этому способствовало то обстоятельство, что первый всероссийский с'езд профсоюзов дал неясную формулировку понятию производственного принципа построения профсоюзов.

Между тем, активно участвуя в организации оставленного капиталистами производства, профсоюзы все больше и больше убеждаются в необходимости подведения более широкого базиса под это производство. Этим базисом не могли уже быть цеховые и узкопрофессиональные союзы, и перестройка профсоюзов по широко производственному принципу настоятельно диктуется всем ходом развития великой пролетарской революции.

В соответствии с этими задачами второй всероссийский с'езд профсоюзов состоявшийся через год—в январе 1919 года, признавая, что строение союзов должно итти и дальше только по производственному руслу дает уже более ясное определение производственного принципа, но не доводит его до логического завершения, оставляя вне единого производственного союза обслуживающих не предприятие, а самих производителей.

Устанавливая принцип централизации кассы, единообразный принцип строения союзов от низа до самого верха, 2-й с'езд предлагает то, что уже вошло в практику—признание Всерос. Цент. Совета профсоюзов и Центральных Комитетов руководящими органами профдвижения, и подтвердил принцип демократического централизма в управлении союзов.

Укрепление губернских межсоюзных органов и стремление к непосредственной связи мест с центром нашли свое отражение на 2-м всерос. с'езде постановлением о ликвидации всех областных органов профсоюзов, являющихся по смыслу резолюции излишними передаточными инстанциями.

Концентрация народного хозяйства вызывает и более тесную группировку профсоюзов, в связи с которой организационная работа усилившегося и уже руководящего органа ВЦСПС после второго всероссийского с'езда протекает, с одной стороны, в слиянии некоторых профсоюзов и, с другой стороны, к созданию из локальных союзов новых всероссийских профессионально производственных об'единений. Число всероссийских союзов к моменту II всерос. с'езда профсоюзов достигает 30. За годовой период 1919 года были слиты союзы: помощников врачей и лекарских помощников в единый союз работников лечебно-санитарного дела, союза работников сцены и арены, союза актеров и союза тружеников музыкального искусства—в единый союз работников искусства, союза „Банктруд" и „Всепрофинанс" в единый союз „Финкотруд". Затем были образованы вновь 6 союзов: домовых рабочих, парикмахеров, просвещения и соц. культуры, муниципальных работников, местного транспорта, работников земли и, наконец, союз нефтяников перестраивается в союз горнорабочих. Число союзов, таким образом, к периоду 3 всероссийского с'езда достигает 32.

3 всероссийский с'езд профсоюзов, собравшийся в то время, когда Советской Республике, закончившей победоносно период гражданской войны, представлялось возможным сосредоточить все внимание и силы на хозяйственном строительстве, и с этой точки зрения им была подтверждена правильность организационной линии, намеченной предыдущим с'ездом. Резолюция по организационному вопросу этого с'езда стремится еще более уточнить производственный принцип построения союзов, но чего либо нового, кроме включения обслуживающих вспомогательных предприятий в основной союз,—она не дает. Выдвинув лозунг „одно предприятие—один союз", с'езд все же до конца не идет и оставляет обслуживающих производителей вне основного союза. В развитие прежней организационной линии с'езд намечает дальнейшее сокращение числа союзов с 32 до 23, намечая уже ясно путь к единому союзу посредством превращения производственных союзов в производственные секции при межсоюзных об'единениях.

Учитывая то обстоятельство, что вся промышленность страны как крупная, так и мелкая, национализирована государством, а кустарная промышленность вынуждена работать целиком на государственные органы, вследствие чего условия труда в кустарных и артельных предприятиях близки и аналогичны к таковым в государственных фабрично-заводских предприятиях, и положение кустаря ничем в сущности не отличается от положения наемного рабочего в государственных предприятиях, с'езд признал возможным включение кустарей и артельщиков в производственно-профессиональные союзы, обусловив это соответствующими гарантиями. В связи с этим весь период после 3 с'езда идет гигантское увеличение численности профсоюзов, достигая к 4-му с'езду профсоюзов до 7 миллионов членов.

Дальнейшее развитие организационной работы после третьего с'езда идет под флагом все большего и большего развития и усиления межсоюзных губернских и уездных органов: губпрофсоветов и упрофбюро, которые постепенно усиливают свое руководство местными губернскими отделами всероссийских производственных союзов, постепенно отвоевывая влияние на них от Центральных Комитетов производственных об'единений.

8-й с'езд советов, заседавший в конце 1920 г., передав значительную часть функций местным хозяйственным органам, естественно, еще сильнее вызывает необходимость большего руководства со стороны межсоюзных органов.

Одновременно происходит и проведение в жизнь, намеченных еще II всерос. с'ездом, установлений единообразной структуры союзных организаций и централизации союзной кассы по линии производственного союза (по вертикальной линии), этим самым процесс создания и оформления единого централизованного профдвижения в России можно считать завершенным.

4 всероссийский с'езд созывается (май 1921 г.) в тот момент, когда происходит переход всей экономической жизни страны на новые рельсы—раскрепощения промышленности, возрождения частной и кустарной промышленности, установления свободной торговли и т. д., но опыта в этой области еще очень мало и поэтому наступающий период находит в резолюции по организационному вопросу очень слабое отражение. Но все же 4 с'езд дает твердый толчек перенесению центра тяжести работы от Центральных Комитетов на губпрофсоветы, указывая на них, как на единственные органы, к которым должны перейти функции руководства и направления всей работы профсоюзов.

Четвертый же с'езд профсоюзов дает наконец окончательную формулу принципа производственного строения профсоюзов—„одно хозяйственное целое—один союз", указывая, что строение профсоюзов должно итти соответственно хозяйственным группировкам. Это вносит уже определенную ясность в построение профсоюзов, завершая работу в этой области всего предшествовавшего периода.

Но если 4-ый с'езд в области организационного строительства слабо реагировал на перемену хозяйственного фронта государственной властью, то первый пленум ВЦСПС, собравшийся в октябре с/г., всего лишь через пять месяцев после с'езда ставит уже перед профдвижением задачу, вытекающую из новых хозяйственных отношений.

Стремление всего хозяйствующего аппарата Советской Республики должно быть направлено к оставлению в руках государства минимума самых оборудованных и самых крупных, предприятий и снабжению этих предприятий всем необходимым для их непрерывной самой интенсивной работы. Для этих предприятий должно быть сохранено основное ядро квалифицированной рабочей силы. Профсоюзы в области организационной работы должны приспособить свои организации для проведения этой задачи. Для этой цели необходимо сжать союзные организации, очистив от непролетарских элементов, в первую очередь кустарей, ибо они получая возможность работы на вольный рынок, превращаются вновь в собственников-хозяйчиков.

Развитие частно-капиталистической промышленности, возникновение концессионных предприятий ставит перед союзом вопрос о пересмотре своей тактики и вопрос о защите интересов членов союзов, занятых в частной промышленности.

Вопросы воспитания рабочего класса выдвигаются в первую очередь.

Для выполнения этих задач, необходимы гибкие союзные аппараты, связанные между собой тесно от самого низу и до верху, для чего эти аппараты должны быть упрощены до максимума, количество занятых в них работников должно быть сокращено. Союзы должны превратиться в сплоченную компактную армию, готовую в любой момент отразить всякие нападения со стороны возрождающегося капитала.

Эти организационные задачи профсоюзам поставлены—и их союзы разрешат так же, как ими уже разрешены все организационные проблемы до сих пор, когда и неуклонно и настойчиво профсоюзы прошли свой путь от раздробленных узко-цеховых союзов и подходят теперь к единому общероссийскому профессиональному союзу.

Е. Брудно.

Октябрьская революция и охрана труда.

Встречая пятую годовщину октябрьской революции, мы должны, пробегая умственным взором все пережитое и смотря действительности прямо в глаза, сказать прямо, что в области охраны труда нами получено пока еще не достаточно реальных достижений и что тут остается еще сделать многое и многое.

В 1917 году в момент непосредственного перехода политической власти в мозолистые руки рабочего класса, восставшего против войны и ига капитала, правительство советов, как орган рабочей диктатуры, естественно обратило сразу максимум внимания на вопросы охраны труда. Не уподобляясь временному правительству, ведшему гнусную политику угашения классовой борьбы и соглашательства с буржуазией, Советская власть немедленно порвала с интересами предпринимателей, лицемерно прикрывавшимися „интересами отечественной промышленности" и интересами обороны страны.

Уже через четыре дня после того, как над Смольным водрузилось красное знамя советов, был издан декрет о 8-часовом рабочем дне, воплотивший в себе почти всю рабочую программу революционной социал-демократии (большевиков). В течение последующих полутора лет происходило дальнейшее расширение, уточнение и углубление законодательства по охране труда и упорная работа по фактическому проведению в жизнь всех декретированных положений. Но резко обострившаяся с весны 1919 года (наступление Колчака) гражданская война, вызванная ею жестокая хозяйственная разруха необходимость напряжения всех сил страны и рабочего класса в особенности для обслуживания армии и, наконец, острый недостаток рабочей силы в городах чрезвычайно затруднили действительное осуществление на практике многих требований охраны труда. И нам приходилось нередко скрепя сердце допускать целый ряд серьезных отступлений от наших же установленных законов в тех случаях, когда необходимо было подчинять интересы охраны труда отдельных групп рабочего класса более широким интересам всего пролетариата.

Но как только окончилась славной победой героическая борьба русских рабочих с вооруженной контр-революцией, вопросы охраны труда вновь выдвинулись на видное место. Правда, все еще нас часто захлестывали об'ективные препятствия. Но во много крат усилена была работа по охране труда, что прекрасно отразилось в резолюциях 3-го и особенно 4-го с'езда профсоюзов. В это время произошел также и переход органов охраны труда из комиссариата труда в профсоюзы, что имело большое значение в смысле приближения их работы к широким рабочим массам.

Сейчас союзные органы охраны труда проникают во все норы советского строительства, так или иначе связанные с работой по улучшению условий труда и быта рабочих масс. Намечены реальные формы постоянного контакта и совместной дружной работы с хозорганами, комиссии по улучшению быта при исполкомах в большинстве случаев фактически руководятся местными охрантрудами, в деле посылки больных на курорты и в санатории они играют решающую роль, они участвуют во всей работе здравотделов и собесов. Местные комиссии по охране труда фактически превращаются в первичные ячейки этих обоих комиссариатов.

В то же время, несмотря на все трудности пережитого нами крайне тяжелого периода, мы можем все же не без гордости говорить и о реальных достижениях русского рабочего в области охраны труда. Особенно заметным становится масштаб наших фактических завоеваний в том случае, если учесть дореволюционное положение русского рабочего и одновременно сравнить, что дало пролетариату Запада послевоенное законодательство незнающих будто бы разрухи и процветающих пышным цветом культурных стран Запада.

От 10-11 часового рабочего дня мы перешли к 8 часовому, фактически проведя его почти по всей линии. Даже в самые тяжелые для Республики моменты при широком распространении сверхурочных рабочий день, по данным статистики равнялся в среднем 8,57 часов (до революции он равнялся 10-11 час.). Теперь также еще возможны иногда отступления, но они представляют собою уже крайне редкое, вызываемое исключительными условиями, явление. А между тем, несмотря на шум, произведенный соглашательским „бюро труда" при бутафорской Лиге Наций, сейчас декретирован 8 час. рабочий день только в 12 из 21 европейских государств, и в то же время фактически во всех странах капиталисты, опираясь на государственное содействие и свою экономическую силу, саботируют его самым злейшим образом. Только у нас все рабочие пользуются ежегодными двухнедельными или месячными отпусками. В отношении охраны женского и детского труда наше законодательство является самым совершенным в мире и значительно превосходит все требования, выставленные Вашингтонской конференцией по рабочему законодательству. И по фактическим обследованиям на местах оно почти полностью проведено уже повсеместно в жизнь, причем особенно разительно это бросается в глаза в области женского труда и охраны материнства. Проделана также большая работа и в области улучшения быта—имеется уже значительное количество домов отдыха, произведено массовое переселение рабочих в более здоровые жилища, рабочие получают преимущественное, почти исключительное, право пользования санаториями и курортами, фабрики и заводы получают значительно повышенную медицинскую помощь, к наиболее крупным прикреплены специальные зубоврачебные амбулатории, ясли, детские консультации и т. д., при предприятиях организуются специальные парикмахерские, бани, помывочные, починочные мастерские и т. д.

Наконец, что самое главное, только в России после октябрьской революции дело надзора за проведением законодательства по охране труда перешло в руки самих рабочих. Помимо широкой сети комиссий по охране труда на предприятиях, весь государственный аппарат охраны труда—инспекция труда (перешедшая со всеми государственными функциями в союзы из отделов труда) также избирается самими рабочими. У нас сейчас имеется почти 1500 инспекторов труда, из которых более 80% вышло и состоит из рабочих и низших служащих. Кроме того в этой работе им помогают ассистенты, избираемые из среды лучших работников союза молодежи и практикантки из отделов работниц. И поэтому все, что только может быть сделано в отношении улучшения условий работы, жизни и быта рабочего делается в полной мере.

Новая экономическая политика, возрождая в значительной мере частный капитал, а следовательно и эксплоатацию труда ставит перед отделами охраны труда еще новые задачи и заставляет их усилить свою прежнюю работу в отношении государственной промышленности, чтобы максимальную сохранить там живую рабочую силу, как основное условие рационального ведения народного хозяйства. И нет сомнения, что в условиях диктатуры пролетариата, придающей всем мероприятиям профсоюзов по охране труда государственную силу, и при политике самого тесного привлечения к этой работе широких рабочих масс, союзы эту задачу разрешат целиком и полностью. В условиях капиталистического строя охрана труда занимается жалким крохоборством, строя карточные домики, разлетающиеся при первом неблагоприятном ветерке реакции, октябрьская же революция дала возможность охране труда стать серьезнейшим рычагом оздоровления работы и реорганизации производства на началах учета интересов организма отдельного работника и физического процветания всего пролетариата. И поэтому, если далеко не все из наших задач уже разрешены, в настоящий момент мы смотрим бодро вдаль и не сомневаемся в успехе. Дело оздоровления условий труда рабочих есть дело самих рабочих, и потому мы с ним справимся с честью!

С. КАПЛУН.

ОТ РЕДАКЦИИ.

За недостатком места в номер не вошли следующие статьи:

1) В. Сарабьянов. Новая экономическая политика и октябрьские завоевания.

2) Лозовский. Профсоюзы и хозяйственное строительство (обзор за 4 года).

3) Халатов. Рабочее снабжение.

Статьи эти будут помещены в ближайших номерах нашей газеты.

ственная власть издает кодекс законов о труде, разрешающий целый ряд тарифных вопросов в духе того периода. Кодекс отредактирован, таким образом, что и в нем, как и в договорах того времени, нет „обязательств", лежащих на трудящемся. Взаимоотношения государственных учреждений и администрации, с одной стороны, и тарифных союзных органов, с другой, очерчены не с достаточной полнотой.

Наличие локальных тарифов порождает крайнюю пестроту в оплате труда, осложняющую планомерную постановку производства. Зачастую в одном и том же городе, в одной и той же отрасли труда, действует несколько тарифов. Впрочем, последний пережиток отмирает: начинается „собирание" тарифов, и к осени 1918 г. мы имеем уже, наряду с уездными и губернскими тарифами, весьма много тарифов областных. Наконец, появляется и всероссийский централизованный тариф, распространяющийся на всех рабочих данного производства в масштабе всей Республики. Первый тариф подобного рода издан союзом металлистов; за ним следует ряд других всероссийских производственных тарифов. Характерно, что всероссийские тарифы не отменяют собой локальных; последние продолжают действовать там, где они „выгоднее", в то же время издаются и новые локальные положения.

Всероссийские тарифы, как и все прочие, не предусматривают технически-административного персонала. Отдельные союзы, впрочем, пытаются тарифицировать труд последнего, но лишь путем издания особых тарифов.

V. МЕЖДУ 2-М И 3-М С'ЕЗДАМИ.

2-й с'езд (январь 1919 г.) положил последний камень здания уравнительности, дошедшей до крайних пределов. Число тарифных групп и категорий уменьшено им до минимума, отношения в сетке крайне с'ужены. Одновременно, в тариф включен административно-технический персонал, на который также распространен „уравнительный" принцип.

Производительность труда, упавшая до крайних пределов, ставит на очередь вопрос о применении штучных систем оплаты труда,—и 2-й с'езд постановляет о введении в национализированном производстве сдельщины и премиальной оплаты.

С'езд постановляет далее запретить издание локальных тарифов для союзов, имеющих всероссийские об'единения, с тем, что всероссийские тарифы поглощают собой все местные и применяются в провинции автоматически.

Послес'ездовский период развертывает прежде всего поясную работу тарифных органов. В виду неравномерности дороговизны в отдельных районах ВЦСПС еще ранее устанавливает т.-наз. тарифные пояса, которые, однако, лишь весьма отдаленным образом связывают тариф с данными экономической географии; теперь дело это становится на более прочную практическую базу; однако, для научной поясной работы нет еще места.

Сдельные системы прививаются на местах довольно медленно.

Несколько скорее входят в обиход „премии" там, где тарифные „нищенства" практиковались уже и ранее.

Главки и центры, недовольные мизерной оплатой труда, пытаются взять тарифную работу на себя, создавая при себе „отделы труда".

Рождается ударность, именуемая в тот период времени „очередностью". Дебаты о натурализации как будто затихают, ибо крайний недостаток натуральных рессурсов Республики дает остро себя чувствовать.

VI. 3-Й С'ЕЗД И 5-Я КОНФЕРЕНЦИЯ.

100%-ное повышение заработной платы, вновь проведенное в сентябре 1919 г., дает резкий скачек дороговизны, в среднем на 112%. В связи с этим, в тарифных кругах начинается полное разочарование денежными прибавками. В то же время остро дает себя чувствовать все тот же жестокий и затяжной продовольственный кризис. Тарифные обходы становятся обычным делом. Отделы труда при главках немало способствуют таким обходам. Премсистемы выродились в простую прибавку к заработной плате, прогулы дошли до максимума, квалифицированная рабочая сила распылена, штаты заводов перегружены необученными рабочими.

Выдача твердых пайков губительно отражается на производительности, в силу чего 3-й с'езд (апрель 1920 г.) постановляет о введении „целевого" снабжения, т.-е. о фактическом включении пайка в заработную плату. К сожалению, лишь к августу 1921 г. это решение получило, наконец, сколько-нибудь широкое распространение.

Уравнительная политика сменяется „ударностью", связанной с целевым снабжением.

Центр берет на себя разрешение самых мельчайших тарифных вопросов, опутывая места сетью предписаний и толкований. Начинается полоса „централизма до бесчувствия".

Недостаточность оплаты, поражающая тарифные нарушения, выдвигает вопрос о крепком тарифном контроле органов РКИ, связанных с профсоюзами; в таком духе и проходит на 5-ой всерос. конференции соответствующее решение.

Нормирование труда развертывается во всю ширь, чему немало способствует и натурпремирование из фондов Компреда, введенное в качестве натурализации приработка.

Тарифные органы на местах становятся проводниками твердой тарифной политики центра, причем в состав их включаются представители хозорганов и администрации. Тарифный отдел НКТ ликвидируется, и функции его переходят к ОНТ ВЦСПС. Всероссийская тарифная конференция признает необходимым замену отдельных всероссийских производственных тарифов единым, охватывающим все производства и все профессии.

VII. К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.

К концу 1920 года твердое индивидуальное снабжение дает остро почувствовать все свои отрицательные черты, в виду чего тарифные органы начинают решительную кампанию за включение всех видов довольствия в заработную плату. Натуральное премирование, выдаваемое с большим запозданием и в недостаточных размерах, оказывается непригодным для кардинального решения тарифной проблемы, и необходимость введения пайка в рамки заработка становится общепризнанной необходимостью.

Нормирование труда, в том числе и неиндустриального, развертывается во всю ширь, хотя и ведется примитивными методами.

Стремление повысить индивидуальный заработок рабочего побуждает предприятия и даже целые производства встать на путь дополнительных выдач вознаграждения рабочим предметами собственного производства (прозпайки). Однако, и это мероприятие оказывается „негодным средством" для поднятия производительности труда: прозпайки, выдаваемые в уравнительном порядке, отнюдь не способствуют интенсификации последнего.

Этот „мертвый" период тарифной работы, отличающийся душащим всякую живую мысль централизмом, пунктуальным исполнением „предписаний", отрывками уравнительности и тщетной борьбой с тарифными нарушениями, заводит тарифную работу в тупик.

VIII. РЕЗКИЙ ПОВОРОТ.

Новая экономическая политика „раскрепощает" тариф.

Декрет от 7–IV, направленный к увеличению вознаграждения за труд и к ослаблению централизма, приводит к стихийному пересмотру норм в сторону их понижения. Если до тех пор существовало регулирование индивидуального заработка, выражавшееся, между прочим, в установлении верхнего предела оплаты, то введение неограниченной сдельщины снимает последний, не давая в то же время предела нижнего.

4-ый с'езд (май 1921) принимает принцип коллективного снабжения, являющийся, по существу, отражением принципов включения всех видов довольствия в заработную плату и перехода предприятий на „фондовое" существование. Индивидуальное регулирование заработка заменяется коллективным регулированием „фондов".

Децентрализация работы доходит до столь же крайних пределов, до каких раньше доходил централизм: места ведут „самостийную политику". Тарифная работа, собранная в руках ВЦСПС, раздергивается ведомствами и главками. Стихия безраздельно господствует по всей линии тарифа; она находит себе благоприятную почву и в том крайнем истощении продовольственных рессурсов, которое сказалось к началу лета.

Развитие частно-капиталистической инициативы побуждает тарифные органы заняться вплотную вопросами регулирования труда в негосударственных предприятиях.

IX. НАШИ ДНИ.

Недостаточность „фондового" регулирования и необходимость иметь наряду с ним систему заработной платы, построенной на здоровых началах прожиточного минимума, к концу лета становится очевидной. Начинается борьба за собирание тарифной работы в руках профсоюзов. Однако, раскрепощение промышленности не допускает уже полновластного господства союзов в области заработной платы, и расценкомы, по решению 2-ой тарифной конференции (сентябрь 1921) переходит в руки администрации.

С уравнительностью наполовину покончено: отношения в сетке раздвинуты, хотя и не до нужных пределов, натурснабжение введено в рамки заработка.

Во всю широту встает вопрос о реальных фондах заработной платы и о нижнем пределе последней. Прожиточный минимум и централизованный фонд государства получают всеобщее признание.

Одновременно, поясная работа ставится на твердую научную почву.

Тарифная работа в России проделала за истекшее время серьезнейшую эволюцию. Буквально на наших глазах тариф, из простого „справочника" и случайного „договора" с предпринимателем, превращается в самостоятельную отрасль экономической науки.

На тернистом тарифном пути было наделано много глупейших ошибок. Но даже только одна положительная черта русского тарифа способна покрыть половину последних: тариф открыл нам серьезнейшие экономические горизонты, и на тарифном опыте российских революционных профсоюзов еще долго будут учиться экономисты всех наций.

ВАС. ПАНКОВ.

Четыре года культработы союзов.

На рубеже пятого года Великой революции, вопрос о культурно-просветительных задачах, лежащих перед профсоюзами стоит совсем иначе, чем тогда, когда русский пролетариат сильной рукой смело брался за штурвал власти великой страны.

Тогда профсоюзы, недавно вышедшие из-под гнета самодержавного режима, только-что начинали развертывать свои ряды.. Они знали, как нужна культурно-просветительная работа, они видели, что керенщина ничего не даст рабочему классу, и серьезно думали о необходимости организованной и независимой от государства культработы (см. резолюцию 3-й всероссийской конференции профсоюзов по докладу о культработе).

Однако практически профсоюзы к моменту Октябрьской революции очень мало сделали в этой области, только приспособляясь и присматриваясь...

Резолюция 3-й конференции профсоюзов о создании центрального и местных образовательных комитетов, состав которых намечался к тому же довольно пестрый, смешанный (от профсоюзов; партий, „входящих в Интернационал"; союзов; кооперации), не была проведена в жизнь, а попытки организованного руководства культработой среди пролетариата (напр., в Питере и Москве) были весьма слабы и неудачны. Культработа союзов находилась в стадии самой примитивной кустарщины.

Удивляться этому не приходится, так как кроме отсутствия соответственного опыта и средств перед профсоюзами лежали другие огромные задачи борьбы с буржуазией и ее властью, привлекавшие главное внимание.

Октябрьские дни провели резкую грань между старым и новым. Пролетариат стал у власти. Профсоюзы по отношению к Советской власти стали совсем в другое положение, чем тогда, когда у власти была буржуазия. Государственные органы пролетарской диктатуры в области просвещения также совершенно иначе относились к просвещению рабочего класса.

Правда, первый период, когда нужно было сломить „саботаж" работников просвещения и построить аппарат Наркомпроса, очень мало дал профсоюзам. Но в этот период были разбиты все рогатки, стоявшие на пути культработы среди организованного в профсоюзы пролетариата. Культработа, правда, без единого руководства, без продуманного плана, с содержанием, взятым на прокат у отжившей „внешкольщины", была децентрализована и развивалась стихийно и бессистемно.

Наиболее крупные союзы, находившиеся в несколько специфических условиях, начали сразу попытки ввести эту работу в организованное русло. Так, например, уже в январе 18-го года железнодорожники создали свой Цекульт (центральный совет культурно-просветительных железнодорожных организаций), выбранный на специальной железнодорожной культ-конференции, и примкнувший, после раскола в Союзе („Викжедор" и „Всопрофжель") к Викжедору. Характерно, что Цекульт, при участии Викжедора, вел первое время активную борьбу с пережитком государственного аппарата по просвещению железнодорожников—так называемым Учебным Отделом Наркомпути, который уже успел обзавестись своим комиссаром и претендовал на руководство всей культ-работой среди железнодорожников. Эта борьба кончилась слиянием обоих указанных организаций в Цепутькульт, бывший и органом союза и Наркомпроса (осень 1918 г.).

Начались попытки создания регулирующих органов культ-работы у водников, построечников и других.

Но серьезной постановки о своеобразной культ-работе союзов не было. Все эти попытки начинались, как вкопления в работу Наркомпроса, находившегося тогда в критической стадии своего развития.

Центральные союзные органы не уделяли внимания культ-работе и лишь на 2-м всерос. с'езде—в начале 19-го года была принята резолюция, в которой указывалось на необходимость, кроме участия в работе Наркомпроса, создания особых культорганов профсоюзов.

Культ-работа союзов, почти никем не руководимая и не регулируемая, однако развивалась. Открывались клубы, устраивались лекции, митинги, спектакли и даже „танцульки". Особенное внимание уделялось театру. Пролеткульт отмежевывался от широкой массовой работы, оттягивая к себе творческие силы пролетариата и в распоряжении профсоюзов оставались халтурщики и любители.

Некоторое влияние пыталась оказать на культ-работу среди членов профсоюзов „Рабочая кооперация" того времени, открывавшая клубы, субсидировавшая просветительные начинания. Большого значения, однако, для профсоюзов это не имело, а затем и совсем прекратилось, вместе с „рабочей" кооперацией, пытавшейся контрабандно проводить „независимство"...

В целом, этот период характерен для культ-работы союзов в том отношении, что он выявил потребности и запросы пролетарских масс и подготовил почву для дальнейшего организованного развития.

* * *

В начале 1919 года был создан культ-отдел ВЦСПС. В этом же году большинство центральных комитетов союзов имели свои культ-отделы.

Правда, культ-работа союзов в это время только нащупывала свои настоящие пути. Условия того времени—обостренная гражданская война, голод, борьба с разрухой,—отнимали все силы у профсоюзов... Характерно, что одним из важнейших вопросов, стоявших перед культ-органами союзов в это время — участие в работе среди Красной Армии.

На пленуме культотдела ВЦСПС в июне 1919 г. по этому вопросу было принято характерное решение:

„Обсудив подробно вопрос о культработе профсоюзов в Красной Армии, пленум культотдела пришел к выводу, что при слабости культурных сил своих, профсоюзы не могут многое дать Красной Армии в этом отношении... рекомендует всем мобилизованным членам профсоюзов, работавшим в культурно-просветительных организациях, всемерно продолжать свою работу в Красной Армии" *).

Кроме этого, культотделы союзов деятельно устанавливали контакт с Наркомпросом, представительствовали, а в конкретной работе, кроме уже упомянутой работы в области обслуживания художественных запросов пролетарских масс**),—главное внимание уделяли профтехническому образованию.

Работа в области профтехнического образования была настолько серьезна, что 3-й С'езд профсоюзов, выделивший специальную культурно-просветительную секцию, из всех вопросов культработы выделил только вопрос о профтехническом образовании, по которому и была принята весьма знаменательная резолюция.

Четвертый год диктатуры пролетариата начавшийся для Советской Республики в перспективе мирного строительства, застает культработу профсоюзов в новой стадии.

Неуверенность и колебания исчезали. Культорганы союзов чувствовали, что они нужны, что на них возложена серьезная и своеобразная задача, что положение их, как органов, опирающихся на самодеятельность пролетарских масс, совершенно исключительное и ответственное.

В связи с этим, начали вырисовываться контуры „союзной линии" в культработе и с другой стороны, Наркомпрос, учитывая роль и значение самодеятельной культработы союзов, искал способов и форм согласования и сближения работы.

В области профтехнического образования уже с весны 1920 года довольно успешно работал ОПОР (отдел профессионального образования рабочих), целиком находившийся в руках профсоюзов, развертывавший на местах соответственную сеть секпоров.

В области политико-просветительной работы осенью 1920 года была создана, по типу Опора, профсекция, в качестве союзного органа внутри недавно организовавшегося Главполитпросвета.

Опыт организации профсекции, в силу целого ряда условий, был весьма неудачен. Союзное влияние на Главполитпросвет через профсекцию, было совсем слабо. Это, однако, не мешало профсоюзам развивать довольно интенсивно свою политико-просветительную работу, все более заставляя считаться с собою Главполитпросвет, считавший необходимым устранить всякий параллелизм, концентрируя и централизуя все у себя.

Этот спор еще и поныне не решен, и лишь пятый год, вероятно, даст ему практически-целесообразное и идеологически обоснованное решение.

Союзные культорганы в это время уже определенно сформировывались. Культотдел ВЦСПС и пленумы культотдела могли, в значительной мере, претендовать на представительство культурных нужд и запросов пролетариата.

На местах работа развертывалась и, порой, давала весьма удовлетворительные данные, хотя в целом была далека от того, что было необходимо.

Интересные начинания намечались и в федеративных республиках, в частности на Украине, где культработа союзов, поставленная в исключительно-трудные условия, все-таки укреплялась и завоевывала одну позицию за другой.

Однако, если с точки зрения организационных форм, культработа союзов выходила на прямую дорогу „сращивания" и согласованности с Наркомпросом и его органами, то в отношении содержания культработа союзов еще находилась в путах культурничества, параллелизма. Только в области профтехнического образования обстояло все более благополучно. А в остальном судорожные потуги своего содержания культработы, которое, кроме „самодеятельности" рабочих масс, дало бы культорганам союзов право говорить о своеобразии своих задач в области просвещения,—все время были бесплодны, оставляя профсоюзы перед необ'ятными просторами без конкретных форм.

В это время (осень 1920 г.) перед профсоюзами, в области их воспитательной работы, как „школы коммунизма", встала новая конкретная задача.

Шумно и многоречиво заговорили о производственной пропаганде.

---

*) Отчет ВЦСПС за 1919 г. стр. 143.

**) В связи с этим интересно напомнить неудачный опыт ХПСРО (худож.-просв. союз рабочих организаций).

Основным содержанием производственной пропаганды считали производственное перевоспитание рабочих масс в коммунистическом духе.

В Советской Республике, где все органы связаны с обслуживанием рабочих масс, к участию в выполнении этой новой задачи потянулись все.

Это сразу создало для производственной пропаганды положение дитяти, у которого семь нянек, и определило первоначальную ошибку, заключавшуюся в междуведомственном построении органов по производственной пропаганде (Всероссбюро в центре и на местах) только формально возглавлявшееся профсоюзами.

Культработа союзов, при развитии прозпропаганды, несколько стушевалась и не сразу выявила свое основное родство с этой важной работой.

Но небольшой по времени и весьма значительный по об'ему опыт производственной пропаганды показал, что по существу своему она является основным содержанием уже существующих союзных органов и особенно культотделов в своей основной просветительно-воспитательной части.

Четвертый с'езд профсоюзов, в мае этого года, в обстоятельной и вдумчивой резолюции по культ-работе, определенно зафиксировал это, отметив, что производственная пропаганда должна стать основным содержанием политико-просветительной работы союзов.

После IV с'езда культ-работа союзов уже значительно окрепла и оформилась. Правда, практически она была еще далека от подлинно-широкого культурного движения пролетарских масс,—но уже наметились все условия для этого.

Первая всероссийская культ-конференция профсоюзов, состоявшаяся 25—30 сентября этого года уже определенно выявила новый этап культработы союзов.

Большая и содержательная работа проделанная культ-конференцией, ставит перед профсоюзами на рубеже пятого года пролетарской диктатуры серьезные ответственные и своеобразные задачи.

„Организация в культурно-творческих областях—классовой идеологии пролетариата, об'единенного в союзы",—вот основная задача, намеченная конференцией.

Это определяет и форму и содержание работы.

Организационные формы должны облегчить выявление творческой энергии и вовлечение в работу самодеятельных пролетарских масс, внутреннее содержание работы,—неразрывно связанное с производством, его интересами и бытом пролетариата.

Не случайно, при этом культ-конференция отметила необходимость органического постепенного слияния с пролеткультом и углубление идеологических основ культ-работы союзов.

Культ-работа союзов только начинается по настоящему, только встала на подлинный свой путь.

Пройденные этапы еще ждут своего вдумчивого, научного анализа.

Нужно всесторонне изучить богатый, но хаотический, никем еще не систематизированный опыт прошлого, который ценен не только для нас, но и для мировой революции, медленно, но верно зреющей в недрах капитализма и подтачивающей его основы.

Огромные и важные задачи лежат перед культ-работой союзов:

Пятый год диктатуры пролетариата должен дать нам их определенное практическое и научно-теоретическое разрешение и выявить творческие достижения союзов в этой области.

Б. МАТОВ.

ОКТЯБРЬСКИЙ РАБОЧИЙ.

В извилинах дорог, где преграждают доступ
Громады рыхлых глыб, где весь в лощинах путь,—
Стучит уверенно его стальная поступь,
И ровно дышит грудь.
Он дали оглядел: сквозь сумрак—звездны цели,
И зорок глаз его, взведенный как курок...
Он кличет. Этот зов не заглушат метели,—
Упорный зов—гудок...
На всхмуренном челе лежат, как в платье, складки,
Все тело выжжено, и ран не сосчитать:
Там цифры прячутся средь знаков давней схватки:
Там—девять ноль и пять.
И ветер радостно вечернее рыданье,
Сменяет гимнами о вспышках на заре,—
— То гимны про одно московское восстанье—
Восстанье в декабре...
Средь цифр, начертанных на огрубевшей коже,
Начертанных огнем и бороздой борьбы,—
Там есть одно число,—оно всего дороже
Для нас, для голытьбы.
... Оно живет—горит в багряно-дивном гуле,
В раскатах, как в лучах, рождая и творя.
Скользнули и слегли напевы об июле
Пред гимном Октября.
Клокочет—свищет даль, а он, прямой и строгий,
Идет уверенно по глыбам трудных дней,—
И все излучистей, но все ясней дороги...
И отклики ясней...
Среди глухих дорог, где преграждают доступ
Громады рыхлых глыб, где весь в лощинах путь,
Стучит уверенно его стальная поступь
И ровно дышет грудь.

РОДИОН БАБУН.

Профдвижение в цифрах.

I.
ОТ ЦЕХОВЩИНЫ К ПРОИЗВОДСТВЕННОМУ ПРИНЦИПУ.

	Колич. об'единений.	Число членов.
В марте 1917	св. 200	—
В январе 1918	158	2.252.500
„ „ 1919	30	3.422.000
„ „ 1920	32	4.328.000
„ „ 1921	23	6.857.000

II.
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ СОЮЗОВ ПО ОБ'ЕДИНЕНИЯМ.

а) К ноябрю 1917 года.

	Число союзов.	Число членов.
Текстильщиков	15	571.400
Металлистов	35	525.900
Служащих и рабочих в государственных и городских предприятиях	66	153.500
Пищевиков	8	133.600
Горнорабочих	14	127.700
Торгово-промышленных служащих	14	117.000
Химиков	7	53.885
Рабочих—виц иглы	6	54.425
Печатников	8	72.000
Строителей	8	70.045
Кожевников	9	81.944
Транспортных рабочих	4	44.700
Деревообделочников	5	47.77[illegible]
Фармацевтов	2	10.200
Домашней прислуги	5	26.71[illegible]
Нефтяников	2	33.500
Стекло-фарфор.	3	40.000
Работников водн. транспорта	6	30.479
Табачников	3	10.50[illegible]

б) К ноябрю 1921 г.
(Единые всероссийские производственные союзы).

	Число членов.
1) железнодорожников и водников	1.277.157
2) совработников	882.489
3) металлистов	561.644
4) работников просвещения и искусства	540.054
5) всемедикосантруд	482.396
6) текстильщиков	373.751
7) пищевиков и табачников	319.054
8) горнорабочих	303.418
9) строителей	299.524
10) кожевников	235.025
11) работников земли и леса	206.018
12) химиков	194.897
13) нарсвязи	189.854
14) деревообделочников	183.411
15) коммунального хозяйства	179.393
16) швейников	159.469
17) местного транспорта	127.521
18) народного питания	109.718
19) печатников	81.644
20) сахарников	69.345
21) писчебумажников	27.158

III.
КОЛИЧЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБ'ЕДИНЯЕМЫХ ВСЕРОССИЙСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ К НОЯБРЮ 1921 Г.

(Не считая фабзавкомов).

а) межсоюзных.		б) союзных.	
губпрофсоветов	75	центр. ком.	21
упрофбюро	557	губерн. отд.	1.307
секретариатов	427	уездн. отд.	6.005

Этапы хозяйственного строительства.

(БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВСНХ, ТОВ. БОГДАНОВЫМ).

Накануне четвертой годовщины октябрьской революции хочется бросить беглый взгляд на те организационные формы, которые мы прошли за 4 года.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ ПРОЛЕТАРСКОГО ТВОРЧЕСТВА.

Первая стадия—рабочий контроль: оставление предприятий в руках предпринимателя, но неослабный контроль рабочих через специально организованные контрольные комиссии над производством и, главным образом, над распределением.

Здесь рабочий творчества еще не проявляет. Он охраняет от расхищения имущество, которое закон признал собственностью государства. Деятельность отдельных контрольных комиссий об'единяется Советом Народного Контроля, стремящимся координировать действия отдельных, еще не опытных, контрольных органов. Далее идет национализация промышленности—об'явление крупных промышленных предприятий собственностью государства, организация рабочего правления. Рабочий перестает быть только контролером, он становится управляющим фабриками и заводами.

ОРГАНЫ ВСНХ.

Все действия по управлению народным хозяйством об'единяются в Высшем Совете Народного Хозяйства. В губернских городах образуются губернские и уездные советы народного хозяйства, которые использовали аппараты бывших городских управ и уездных земств. Наряду—развиваются профессиональные союзы на новых началах—не антогонизма рабочих к промышленникам, а совместного действия по организации народного хозяйства с рабочими, управляющими предприятиями. Все органы сверху до низу строятся на основе строгой централизации, подчинения низших органов высшим. Это вызывается необходимостью собрать промышленность, сохранить оборудование фабрик и заводов, сделавшихся теперь национальной собственностью, сохранить от распыления рабочую силу и материальные средства.

ХОЗЯЙСТВО ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Наступает период тяжелой гражданской войны.

Органы народного хозяйства призваны организовать тыл, снабдить армию необходимым снаряжением; централистские течения развиваются, поневоле, вглубь, так как все должно быть подчинено единой воле направленной на оборону страны.

Гражданская война ослабевает. Окрепшие губернские советы народного хозяйства пред'являют центру права на большую самостоятельность. В строгом централизованном управлении нет уже более нужды. Наоборот, тяжелые материальные условия, в которых живет промышленность, требуют предоставления местным хозяйственным органам возможно большей инициативы. К этому времени Советская власть окончательно расправляется с последними вспышками контрреволюции, ликвидирует фронты внешние и внутренние.

Медленно, шаг за шагом, Советское правительство достигает ослабления блокады, входит в торговые соглашения с иностранными государствами.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Экономическая политика Советской власти круто меняется. Первый акт Советской власти в этом направлении—замена продовольственной разверстки продовольственным налогом и свобода обмена—последовательно влечет за собою и изменение в деле управления промышленностью.

Государство приостанавливает национализацию мелкой промышленности, предоставляет права частной инициативе работать на заводах и фабриках, которые передаются в аренду, организует крупные об'единения промышленности, предоставляя этим об'единениям, трестам широкие права в деле управления предприятиями. Существующие при ВСНХ главные управления отдельными отраслями промышленности (бывш. главки) освобождаются от функций управления; на них возлагается регулирование отраслями промышленности, установление плана, координация деятельности отдельных предприятий и об'единений. Губернские советы народного хозяйства у себя, в масштабе своей губернии, проделывают ту же работу, становясь также органами регулирования промышленности.

Условия оплаты труда, бывшие поневоле неудовлетворительными в связи с общим упадком хозяйства, требовавшего от каждого гражданина уплаты налога личным трудом, стремятся к улучшению, к приближению к прожиточному минимуму. Все акты регулирования и управления промышленностью проводятся в тесном единении с профессиональными союзами.

Ныне, в пятый год революции заключается первый концессионный договор на эксплоатацию азбестовых месторождений Урала, и в процессе переговоров находится ряд крупных концессий.

Смело продвигаясь вперед, отступая и снова наступая, мы надеемся, что нам удастся возродить нашу промышленность и вывести страну собственными силами из того ужасного положения, в которое она была ввергнута годами беспримерной войны и революции.

Профсоюзы и кооперация—в ногу.

5-й год пролетарской диктатуры ставит задачу воссоздания разрушенного хозяйства, с подведением под него таких основ, которые развиваясь и укрепляясь привели бы к конечной цели Октябрьской революции—к коммунизму.

Этот участок фронта классовой борьбы наиболее трудный, путь к победе здесь более длинный, метод борьбы—не штурм, а осада.

При изменении задач борьбы естественно меняется расположение борющихся сил и вводятся в действие новые средства. То, что раньше играло второстепенную роль, теперь приобретает решающее значение. Такое именно решающее значение приобретает сейчас кооперация вообще и особенно потребительская кооперация. Поле ее борьбы—торговля, вольный рынок. Здесь она должна вырвать инициативу из рук неприятеля—частного торговца и заставить его принимать бой на наиболее выгодных для кооперации позициях.

И здесь необходимо для кооперации найти себе мощную базу материальную и организационную, найти союзника, действующего глубоким обходом неприятельских позиций. Она найдет его в профессиональных союзах. Профсоюзы об'единяют рабочих, как производителей, кооперация призвана обслужить их потребительские интересы.

В то же время рынок зависит от производства, которое может быть использовано, как регулятор этого рынка. Согласование работы профсоюзов с кооперацией и будет действием двух армий, осаждающих по одному плану одну и ту же неприятельскую крепость.

Профсоюзы являются испытанной армией: они подготовляли рабочих к октябрю, они в октябре вели их в бой, они цементировали пролетарским элементом красную армию и советский аппарат.

Кооперация в истекший период штурмовой борьбы играла сравнительно второстепенное значение. Тем большее значение она приобретает теперь, в период длительной упорной борьбы на хозяйственном участке фронта.

Закаленные в боях профсоюзы должны вместе с кооперацией комбинировать приемы борьбы, используя подвижность одних и „дальнобойность" других частей в общем плане операции.

Октябрьская революция поставила у власти пролетариат: она сделала хозяином страны рабочих и крестьян. Эти хозяева через свои организации профсоюзы и кооперацию будут с таким же упорством строить свое хозяйство, с каким 4 года они отстаивали основы советского строя и существования первой в мире Республики трудящихся.

А. Ударов.

4-я годовщина и голод.

5-й год своего существования рабоче-крестьянская Россия встречает под знаком борьбы с голодом. Едва только трудящиеся России засучили рукава, чтобы приступить к хозяйственному строительству, как перед ними встало новое препятствие—голод.

Голод—бедствие не только местное, касающееся жителей Юго-Востока. Это—несчастье, обрушившееся на всю страну, дезорганизующее хозяйственную работу всей Республики, вплоть до самых отдаленных и благополучных уголков ее. Слабее работают фабрики и заводы во всей стране, круче приходится всему сельскому хозяйству, замедляется темп культурной деятельности, расстраивается работа всех учреждений и предприятий. Поэтому преодолеть препятствие голода становится теперь очередной задачей всего нашего строительства.

На пороге 5-й годовщины эти соображения еще и еще раз должны быть подчеркнуты на эту включенную моментом задачу нужно еще и еще раз указать.

Что нужно сделать для выполнения этой задачи? Громадная работа уже проделана: пробуждено внимание трудящихся, приняты меры против повторения голода в будущем году путем доставки озимых семян в голодающие губернии; фактически организовано питание значительной части голодающих и особенно детей.

Но все это—половина, даже может быть одна четверть дела. Питание голодающих нужно расширить: мы кормим сейчас едва ли 1/10 часть нуждающихся; остальные обречены на все муки голода и, может быть, на голодную смерть в предстоящем году. А главное—нужно придать помощи более организованный, более планомерный характер. Все мероприятия, которые в этом отношении предлагались комиссией ВЦИК, должны быть известны каждому практическому работнику и неуклонно с полной скрупулезностью и точностью, проводиться в жизнь.

Организация продовольственной помощи—задача, к которой мы только—только приступили, но без разрешения которой мы не победим голода. Все без исключения губкомиссии должны еще раз поставить перед собой эту задачу, к чему их призывала и последняя сессия ВЦИК, и добиться ее делового, практического разрешения. Наконец—и это не менее важно надо теперь же принять меры против повторения несчастий, оставленных нам режимом царя и капиталистов против голодовок. Голод был всегда постоянным гостем царской деревни. Не проходило ни одного года, когда бы он не поражал какого-нибудь участка царской вотчины; не проходило ни одного десятилетия, чтобы он не разражался на значительной территории. Голод и режим рабства, угнетения, эксплоатации, невежества — два родные брата, следствие и причина. С падением причины должно исчезнуть и следствие.

Предсказывают повторение стихийной засухи и в будущие годы. Но наука, знание, цивилизация умеют бороться со стихией, ослаблять разрушающее влияние, парализовать ее действия, как громоотвод охраняет от разрушительной силы электрической стихии. Детальнейшие указания, которые даны в этом отношении и комиссией ВЦИК и советскими органами во главе с Наркомземом, должны быть также детально изучены всеми практическими работниками. Каждое мероприятие, просвещающее деревню, поднимающее нашу сельско-хозяйственную технику, изгоняющее Рюриковы приемы обработки земли в деревне—шаг к культуре, к социализму. Каждое такое достижение в 4-ю годовщину—лучшее доказательство прочности и благодетельности Советской власти.

На пороге 5-го года у нас остался один фронт, приковывающий к себе особенно острое внимание, фронт борьбы с голодом. Нанести удар врагу на этом фронте будет лучшим памятником 4-й годовщины.

ОТВЕТСТВ. РЕДАКТОР Я. ФИН.
ИЗДАТЕЛЬ—ВЦСПС.

Р. В. Ц. Москва. № 34.

Тираж 150.000.